

Annotation

Продолжение истории Лизы в мире магии и оборотней) Подписка будет

Глава 1

Глава 2

Глава 3

Глава 4

Глава 5

Глава 6

Глава 7

Глава 1

Николай пришёл поздно, так поздно, что я уже успела не только выспаться, но и проголодаться. Как назло, в комнату просачивались необычайно вкусные запахи – то ли квартирная хозяйка с полной ответственностью относилась к питанию постояльца, то ли так готовила для своей семьи, а бедный Хомяков питался где-нибудь на службе, страдая от аппетитных ароматов так же, как сейчас я.

Расчувствоваться я не успела, поскольку наконец услышала его голос. Но в свою комнату Николай подниматься не торопился, о чём-то говорил с женщиной внизу. О чём – я даже не слушала, лихорадочно заметавшись по комнате, поскольку внезапно сообразила, что понятия не имею, что ему говорить. И как вообще его встречать.

«Привет, милый, это я». И лапами ему глаза закрыть, чтобы догадывался, кто именно эта я. Да, звериная форма несколько ограничивает. Но не принимать же человеческую? На мне ровным счётом ничего нет. А голой его встречать несколько... Скажем так, преждевременно. Но тут мне на глаза попался приземистый шифоньер с зеркалом. Можно же было задействовать что-нибудь из одежды Николая? Или нельзя?

Я поняла, что меня пугает. Не то, что Николай не согласится помогать. Нет, я как раз была уверена, что в помощи он не откажет. А вот то, что он вдруг скажет: «Простите, Елизавета Дмитриевна, но теперь в моём сердце и в моих мыслях Ольга Александровна» – вот это страшило по-настоящему, мешало надеть что-то из хомяковских вещей и встречать его так, чтобы он видел во мне не оборотня, но девушку.

И всё же я почти решилась, когда разговор внизу прекратился и послышались торопливые шаги, наверняка хомяковские. Брать что-то из шкафа было поздно, и я просто застыла, уповая на отвод глаз. Сейчас увижу

– и сразу пойму. Всё пойму...

Додумать, что «всё», я не успела. Николай распахнул дверь резко, столь же резко её захлопнул и застыл на пороге. Настороженно так застыл. Я проследила направленность его взгляда – моё уютное гнёздышко на

кровати лучше любых слов говорили, что кто-то там повалялся.

– Лиза? – неуверенно сказал Николай и тут же уверенно: – Лиза, я знаю, что вы тут.

Но я снимать полог не торопилась. Знает он, как же. Может, я повалялась на кровати и убежала. Или не я, а Ольга Александровна. Или вообще... Волков. Да, точно, Волков, чтобы понять, как к нему относится

Хомяков. Точнее, ко мне. Или к нему. В конце концов, это личное дело Волкова, кем и с какой целью он интересуется. Я в его дела не лезу и вообще хочу быть как можно дальше.

– Лиза, я волнуюсь, – тем временем продолжил Николай. – Я очень волнуюсь. Если это действительно вы, а не игры моего воображения, покажитесь.

Отвод глаз я сняла, набросила полог тишины на эту комнату и сразу почувствовала уязвимость своего положения: Хомяков навис над моей маленькой рыськой ангелом мщения, огромным и гневным.

– Лиза, как вы могли так со мной поступить? – возмущённо спросил он. – Я же говорил, что вы можете рассчитывать на мою помощь, а вы сбежали, никому ничего не сказав.

– Мне надо было бабушке довериться? – обиделась я. – Или Оленьке всё выложить? Боюсь, Волковы бы из твоих родных всю информацию выдавили.

– Мама бы не стала действовать на благо клана Волковых.

– Зато я знаю того, кто стал бы, – надулась я и запрыгнула на стул, чтобы казаться хоть немного выше. Это не сильно помогло, разница размеров всё равно давала о себе знать. Показалось ужасно несправедливым, что я в звериной форме, а Николай нет. Придавила бы его лапой, быстро бы перестал ругаться. – Я всё это время только и делала, что удирала от штабс-капитана, а он меня догонял. Включать в эти игры ещё и вас я посчитала лишним.

– Игры? – необычайно холодно переспросил Николай. – Действительно, зачем вам включать меня в ваши игры с Волковым.

Похоже, я опять сказала что-то, имеющее отношения к традициям оборотней, но не имеющее отношение к моей нынешней ситуации. Николай выглядел по-настоящему оскорблённым, хотя должен был понимать, что то, что для Волкова – игра, для меня – попытки выжить.

– Чёрт вас подери! – вспыхнула я. – Вы прекрасно понимаете, что у меня нет и быть не может никаких оборотнических игр с Волковым. Я

просто неудачно выразилась. – И ещё неудачно выбрала форму для разговора, потому что говорить гадости рыси куда проще, чем нравящейся девушке, пусть как рысь я тоже очень даже хороша. Но, возможно, ему сейчас больше нравятся львицы. Львицы с длинными ослиными хвостами и глупыми мордами. – Или вы сейчас пытаетесь меня обвинить, потому что у самого рыльце в пушку?

Я подпрыгнула на стуле и грозно клацнула челюстями вблизи его носа, на котором, конечно, никакого пушка не было и даже следа от помады я не заметила, но это ещё ни о чём не говорило. Помаду и стереть можно. Даже

до того, как начинаешь целоваться. Или вообще не наносить. Положительно, я неправильную форму выбрала для разговора. Пусть я сейчас и контролирую рысь, но нервное напряжение растёт, и контроль может потеряться.

– Вы о чём, Лиза? – опешил Николай, даже не вздрогнувший при моих попытках его запугать.

– Попадалась мне пара статей в газетах о вас и о великой княжне... – как можно невозмутимей заметила я.

Продолжать не понадобилось, Николай зло бросил:

– Ноги бы поотрывать тому, кто запустил эту сплетню. Между мной и великой княжной ничего нет. Я выполняю исключительно роль сопровождающего лица, и только.

– Неужели Ольгу Александровну больше некому сопровождать? – недоверчиво фыркнула я.

– Почему некому? – не поддался на провокацию Николай. – Есть кому. Но подлавливают исключительно те моменты, когда сопровождаю я.

Я подозрительно на него уставилась, но ничего в хомяковском облике не указывало на то, что он испытывает к великой княжне хотя бы тень тех чувств, про которые почти открыто пишут в статьях.

– Почему же тогда вас продолжают ставить в её сопровождение?

– Потому что Александр Третий не желает идти на поводу у газетчиков и менять охрану им в угоду, – пояснил Николай.

Сказал он это как-то странно, словно сам не верил в свои слова, из-за чего мои подозрения вспыхнули с новой силой.

– Что у вас с ней? – резко спросила я и поставила лапу ему на грудь. Пока мягкую, я даже когти не выпускала. Но это только пока. Если надо

– и когти выпущу, и наглую физиономию расцарапаю перед тем как удрать.

– У меня с ней ничего. Лиза, вы ревнуете? – удивился он. – Но сопровождение великой княжны – это просто служба, отказаться от

которой я не могу.

И опять в его голосе прозвучала нотка обречённости. Что бы там ни было, посвящать меня в свои проблемы Хомяков точно не собирается. Возможно, прямо сейчас мне не удастся вытащить из него правду, но я постараюсь.

– Не про всякую службу пишут, что это курс сближения с мелкими кланами и всё идёт к помолвке. Конечно, для спасителя цесаревича могут сделать исключение. Особенно если учесть, какой скромный этот спаситель, что не обмолвился ни единым словом, когда мы с ним виделись последний раз.

– Времени было мало, а это не такое уж важное деяние. Мне просто повезло, – чуть смутился Николай.

– Так повезло, что вы теперь личный телохранитель великой княжны?

– Это просто служба. Я с ней наперегонки по снегу не бегал, – заметил Николай, явно намекая на устроенные Рысьиными смотрины.

– Ещё бы, – фыркнула я. – С её шерстью по снегу не побегаешь.

Намёки на мои клановые проблемы злили, но сделать я ничего не могла: пока я рысь, даже мой внешний облик будет напоминать о Рысьиных. Значит, нужно перестать ею быть, хотя бы временно.

– Дайте мне свою рубашку.

– Зачем? – удивился Николай.

– Мне надо, – как можно увереннее бросила я. – Скорее же. Я потом всё объясню.

Он подошёл к шифоньеру, взял с одной из полок аккуратно сложенную рубашку и положил на стол передо мной. Смотрел он при этом с каким-то детским любопытством.

– Отвернитесь, – скомандовала я.

– Я хочу видеть, что вы будете делать с моей рубашкой, – запротестовал он. – Пусть я даже ничего не пойму, но...

– Нет времени спорить. Увидите, но чуть позже. Отвернитесь. И не подглядывайте.

Николай ожидаемо надулся, оскорблённый моим недоверием, но спорить не стал, повернулся к двери, и лишь чуть изменившаяся форма ушей указывала, что без присмотра, точнее, без прислуха он своё имущество не оставил. Но я портить его рубашку не собиралась. Она была

белейшая, накрахмаленная до жёсткости, с забавными складочками на груди и смешными крошечными пуговочками. Застёжка доходила только до середины, а нижняя часть рубашки была сплошной, но приличней я от этого не выглядела. Пусть рубашка была довольно длинной, но у неё были солидные разрезы по бокам, наверняка облегчавшие одевание, но заставившие меня пожалеть о том, что не попросила ещё что-нибудь вниз. Что-нибудь такое, что можно использовать как юбку. Скатерть, например...

Увы, скатерть на столе была ажурной вязки крючком и, подозреваю, не сделал бы мой вид приличнее ни на йоту, поэтому я вздохнула, забралась на стул с ногами, так чтобы их прикрыть по максимуму и сказала Николаю:

– Можете поворачиваться.

Он обернулся и застыл. Ненадолго застыл. А потом... Нет, я думала, что он может смутиться, покраснеть, замямлить что-то о неприличности моего вида, но вместо этого Хомяков захохотал. Совершенно неприлично захохотал, словно он был в цирке, а я – развлекающим его клоуном. Поэтому покраснела я и чуть срывающимся голосом спросила:

– И что такого смешного вы углядели, Николай?

– Простите, Лиза, не удержался. – Он забавно шмыгнул носом и чуть встревоженно сказал: – Я не над вами. Просто оказалось весьма неожиданным, что моя рубашка понадобилась вам именно для этого.

– Не могу же я с вами в голом виде разговаривать, – возмутилась я.

– Или вам жалко своей рубашки?

– Не жалко, но... Права оказалась Оля.

– Какая именно? – вредно уточнила я.

– Сестра, разумеется, – удивился он. – Лиза, давайте уже оставим в покое несчастную Ольгу Александровну? А то ведь до меня тоже доходили слухи, что вы не просто так сбежали, а из любви к Песцову. Пропали из города одновременно с ним.

Желание выложить всю правду про Песцова было чрезвычайно сильным, но я ему не поддалась: совершенно неподходящее было время. И место. И одежда тоже совершенно неподходящая. Подумать только, мне придётся оправдываться перед Николаем за то, что я не делала, скукожившись в его рубашке на его стуле в его комнате. Нет, время для признания точно неподходящее.

– Какая феерическая чушь, – недовольно пробурчала я, с трудом удержав за зубами замечание, что это всё происки Соболевой, Ксении Андреевны, которую я знать никак не могла и очень надеялась никогда более

не встретить. – И в чём же оказалась права Оленька?

– Она сказала, что с вашей удачливостью до Царсколевска вы если и доберётесь, то без одежды, положившись исключительно на второй облик.

– Права она только наполовину, – неохотно признала я. – По поводу одежды. Но это – результат несчастного случая.

И кривых лап песцовского родственника, чтоб у него оба хвоста отвалились и выросли вместо них четыре! Может, тогда его баланс

ипостасей придёт в норму. Или маятник качнётся. И Ли Си Цын начнёт стремительно худеть. А звериная форма столь же стремительно толстеть. Я потрясла головой, отгоняя видение белого красноглазого шарика с четырьмя хвостами и сосредоточилась на вопросе Николая.

– То есть вы сейчас совсем без вещей и без денег?

– С вещами, деньгами и документами, но без одежды, – отрапортовала я.

– С вещами? – удивился Николай.

– Вещей мало, но они есть. Только самое необходимое.

– Вы в зубах притащили? – продолжал он допытываться, хотя и видел, что разговор мне неприятен.

– Нет, провалилась неудачно в телепорт. Или удачно – это как посмотреть, до Царсколевска я добралась и Волкова с хвоста сбросила. Он меня сейчас пытается поймать совсем в другом городе.

При упоминании Волкова Николай помрачнел. Я тоже прекрасно понимала, что лишь отсрочила возможные проблемы с этим типом.

– Он приходил ко мне. Пытался выяснить, что я про вас знаю. Фаина Алексеевна ему...

– Пообещала меня, если найдёт, я знаю. Только он меня не найдёт, – уверенно ответила я. – У меня есть направление от армии на целительский факультет, откуда меня ни он, ни любящая бабушка не выцарапают. Как только начнут принимать документы...

– Нужно свидетельство об окончании гимназического курса, без него вас не примут. А до сдачи экзаменов в любой момент могут перехватить.

– У меня есть, – похвасталась я. – Я же не просто так скрывалась, я готовилась.

В отличие от тех, кто в это время развлекались в компании великой княжны. Служба у него, видите ли, такая. О которой в газетах пишут. Подозрительность, хоть и уменьшилась, но осталась. Я нутром чуяла: недоговаривает что-то Николай.

– Тогда вам нужно как можно скорее отнести документы. Принять вас могут хоть завтра.

– Завтра? – удивилась я. – Но обучение?.. Я же пропустила целый семестр?..

– Примут завтра, но в группу, которая только начнёт обучение осенью,

– пояснил Николай. – Это отработанный способ ухода от кланов. Не вы

первая сбегаете. Вам нужно просто добраться до кафедры, на которую ваше направление.

Просто добраться? Легко сказать. Не уверена, что Волков даст столько форы. Да и поступление защитит меня от притязаний Рысьиной, но не от него. Впрочем, от него и бабушка не торопилась защищать, а сама я пока успешно бегаю. Ещё бы успешно найти артефакт и успешно от него избавиться, благо теперь я знаю, как он выглядит.

– Что вы погрустнели? – проницательно спросил Николай.

– Размышляю, как покупать одежду, – выкрутилась я. – Вряд ли стоит идти в лавку с деньгами в зубах.

– Дурной тон, – согласился Николай, явно с трудом удерживая улыбку. – Сразу пойдут слухи, что наследница Рысьиных увлекается азартными играми. Причём не просто увлекается, а серьёзно проигрывает. Но к чему вам это? Я же говорил, что Оля такой вариант предусмотрела, поэтому у меня тут хранятся ваши вещи.

– Мои? – удивилась я. – Но откуда?

– Не совсем ваши. Те, которые прислала для вас Оля, – пояснил Николай. – Она, конечно, написала, что «всё идёт по плану» и даже подчеркнула это несколько раз, но на всякий случай прислала комплект одежды, о котором написала, что если всё пойдёт по плану, то одежда ей самой пригодится, а если нет, то возможны варианты. «Возможны варианты» Оля тоже подчеркнула три раза.

Николай невозмутимо вытащил из шкафа свёрток, довольно увесистый такой, и протянул мне.

– Мне отворачиваться?

– А почему вы сразу не сказали? – обиженно выдохнула я. – Когда я попросила вашу рубашку?

– Я решил, что она вам нужна для магического ритуала.

– Зачем бы я тогда просила вас отвернуться?

– Ритуалы бывают разные. По слухам, самые действенные те, которые проводят в голом виде, – пояснил Николай, серьёзно пояснил, но глаза его смеялись.

– И что я, по-вашему, могла проверять по рубашке? – недовольно фыркнула я.

– Например, правду ли я говорю об Ольге Александровне и не изменились ли мои чувства.

– Я это и так могу узнать. Не изменились ли ваши чувства, Николай?

– немного ехидно спросила я.

– Мы, Хомяковы, так легко чувства не меняем, – гордо ответил он. – И если они появились, от нас так легко не отделаться.

– А мои чувства вам не интересны?

– Если бы они изменились, разве бы вы здесь сидели, да ещё в моей рубашке, Лиза? – спросил он. – Надеть чужую рубашку для оборотня – всё равно что признаться ему в любви.

Это было возмутительное заявление. Настолько возмутительное, что я стукнула так удачно подвернувшемся Оленькиным пакетом с моими вещами прямо по улыбающейся хомяковской физиономии. А он совершенно нагло уклонился, отобрал пакет, обнял и прошептал прямо в заострившееся от избытка чувств ухо;

– Лиза, вы, наверное, голодны?

Я повернулась ответить, что да, ужасно голодна, и неожиданно его губы встретились с моими. Наверное, воспитанная девушка бы охнула, покраснела и отпрыгнула на другой конец комнаты. Но я была совершенно невоспитанная, да и, как недавно выяснилось, уже успела сегодня признаться в любви, поэтому отворачиваться и не подумала, обвила руками его шею и поцеловала. В конце концов, имею же я право на маленькую компенсацию за все мои мытарства? Маленькую хомяковскую компенсацию?

Глава 2

Желудок предательски заурчал как раз тогда, когда Николай наконец решил вернуть себе свою рубашку. Во всяком случае она точно поползла вверх, а около кровати был такой замечательный стул, где бы она прекрасно устроилась, если уж её никто не собирался опять укладывать в шкаф. Но увы, физиология всегда что-нибудь да портит, особенно когда она столь назойливо громкая. Николай очнулся, смущённо одёрнул мою-свою рубаху и хрипло выдохнул:

– Вы же хотите есть, Лиза. Я сейчас...

– Только не говорите никому, что у вас гости, – испуганно выдохнула я уже почти ему в спину.

– Разумеется. – Он даже не обернулся, лишь застыл у двери в ожидании, не скажу ли ещё что-нибудь. – Никто не должен знать, что вы в Царсколевске. Я попрошу принести ужин сюда.

Он вышел, а меня сразу накрыло осознание того, что чуть не случилось. Нет, чужие рубашки – зло, особенно когда под ними ничего нет, зато рядом тот, в чьём присутствии голова перестаёт работать должным образом. Оленькин пакет я дербанила с такой скоростью, словно от этого зависела моя жизнь, и клочки бумаги летели по всей комнате. Хорошо, что подруга предусмотрела всё – от нижнего белья до скромного, но аккуратного тулупчика на меху, подозрительно напоминавшем коврик у моей кровати в доме Звягинцева. Но тёплая одежда мне пока не нужна, поскольку в комнате и так было отнюдь не прохладно, а теперь, когда мои щёки пылали, здесь казалось совершенно жарко. Единственно, что с ботиночками подруга промахнулась – были они мне самую малость великоваты, но если напихать в носок уже столь удачно порванной бумаги, нога переставала ездить и устраивалась даже с некоторым удобством.

Торопилась я напрасно. Николай дал мне время не только одеться, но и

прийти в себя. Я даже по рубашке его успела пройтись очищающим плетением, которое вдобавок ещё и убрало мой запах. Когда под дверью послышались голоса, осталось только набросить на себя отвод глаз и взять в руки демаскирующий меня тулупчик. Про порванную обёртку я совершенно забыла.

– Ох и набросали вы бумаги, Николай Петрович, – неодобрительно сказала вошедшая женщина в строгом чёрном платье. Тем не менее мне она сразу понравилась. И не потому, что уже вышла из возраста, когда привлекают кавалеров, а потому, что держала поднос с хомяковским

ужином, от одного взгляда на который желудок устроил настоящий скандал, с руладами и подвываниями. Хорошо хоть полог не пропускал звуки. Не то чтобы я стеснялась этой дамы, но перед Николаем точно было бы неудобно.

– Аккуратнее надо быть. Чай, за дополнительную уборку вы не доплачиваете.

Оборотнем от неё не пахло, но носом она дёрнула так, словно принюхивалась к чему-то, ища возможность придраться и поругаться. Не зря я убирала свой запах, ох не зря. Может, у неё особенно развиты нюх и интуиция?

– Я вам плачу достаточно, – отрезал Николай.

Настолько сурово отрезал, что квартирная хозяйка оскорблённо поджала губы и шваркнула поднос на стол так, что тарелки подпрыгнули. Вряд ли она так злится из-за нескольких клочков бумаги. Что за чёрная кошка пробежала между ней и её постояльцем?

Это я и спросила сразу, как она вышла из комнаты, а я сбросила отвод глаз, оставив полог тишины на комнате, и начала собирать злополучные обрывки, которых было не настолько много, чтобы из-за них ругаться.

– Не кошка, волк, – поморщился Николай, который старательно делал вид, что это не мы с ним не так давно всюю целовались. Я с готовностью поддержала его игру, благо строгое платье этому способствовало, и тоже всюю делала вид, что ничего не было. – Когда вы пропали, Волков несколько раз ко мне навевался и произвёл весьма неблагоприятное впечатление на квартирную хозяйку. Она почему-то уверилась, что штабс-капитан – мой приятель, а приличные люди с такими персонами не водятся. Вот она и пытается меня выжить.

– А вы?

– Как я мог выехать, если дал вам этот адрес, Лиза? – удивился он.

– Я вас всё равно не по адресу нашла, – невольно хихикнула я. – Так что можете спокойно переезжать.

– Не по адресу? – удивился он.

– По запаху. Меня привёл сюда мой нос. – Я уверенно придвинула к себе тарелку. – Он почувствовал, что вас здесь неплохо кормят. Для девушки, оставшейся без обеда, это весьма существенно.

– Кормят прекрасно, – согласился Николай. – Этого не отнять. И сама квартира расположена очень удачно.

Он косился на свой ужин, но явно не собирался к нему притрагиваться.

– Неудобно есть вдвоём одной ложкой, – заметила я. – Но придётся. Не просить же у вашей строгой домоправительницы вторую? Она сразу что-нибудь заподозрит и сдаст нас Волкову с потрохами при его следующем визите.

– Вы иногда так странно выражаетесь, Лиза, – заметил Николай. – Ешьте одна. Мне не надо.

Желудок согласно рыкнул, но тут уже взбунтовалась я.

– Я одна есть не буду. Как-никак, это ваш ужин, а я могу поесть и потом, где-нибудь в другом месте.

Действительно, я теперь могла спокойно зайти в любой ресторан и оплатить свой ужин, не опасаясь, что о появлении рыси сразу доложат

бабушке. Осталось только деньги забрать. Конечно, не следовало их там оставлять без присмотра, пусть и под отводом глаз, но пускаться в поиски Хомякова со шкатулкой в зубах – сущее безумие.

– Я тоже могу поесть потом, когда пойду вас провожать. Я бы предложил вам переночевать здесь, но боюсь...

– Что выспаться нам не удастся, – заметила я со смешком и положила первую ложку овощного рагу в рот. Оно было прекрасно...

– Не удастся, – согласился Николай. – А это неправильно. Маме до сих пор пеняют на скоропалительность её брака и...

Тут я воспользовалась примером его же сестры, кормившей меня в лечебнице Рысьиных, и ловко вставила ему в рот полную ложку. Такое рагу съедать в одиночку – преступление. Держался Николай от меня на некотором расстоянии, наверное, опасался повторения недавнего поцелуя, но недостаточно далеко, чтобы я не могла достать до него ложкой.

– Иначе ей бы не удалось выйти за вашего папу, – заметила я. – И вас бы не было.

– Но я так не хочу, – вздохнул он. – Я хочу, чтобы всё было по установленным правилам, понимаете?

– Понимаю. А также понимаю, что по установленным правилам меня вам никогда не отдадут, – возразила я. – Правила иногда стоит нарушать, чтобы...

– Чтобы что? – с интересом спросил Николай.

– Чтобы потом не жалеть, что их не нарушили.

За разговором тарелка опустела быстро, и я придвинула к себе чашку с чаем. Он уже остыл, но, подозреваю, что и горячим был не таким уж и вкусным. Чай в этом доме удавался куда меньше рагу. Внутри поселилось чувство неудовлетворённости, и дело было вовсе не в том, что хомяковский ужин мы разделили на двоих и я продолжала чувствовать себя голодной, а в том, что мне сегодня недодали даже поцелуев, не говоря уж про всё остальное. Впрочем, возможно, Николай и прав, ибо в моих планах не было срочного замужества и рождения детей. Разобраться бы с тем, что происходит, избавиться от приставучего постороннего бога, бабушкиной

опеки и ненужного мне артефакта, который ещё найти нужно. А потом... Потом можно и подумать о личной жизни.

– Пожалуй, я пойду. – Я подхватила тулупчик. – Только не через окно. Через окно я в зимней одежде не вылезу.

– Разумеется. Я вас провожу и помогу устроиться.

– Нет, – покачала я головой. – Вам сейчас лучше не знать, где я.

Волков не слишком щепетилен и прекрасно использует ментальную магию. И не надо мне говорить, что его остановит ваше родство.

– Не остановит, – согласился Николай. – Но отпустить вас одну в чужом городе? Это недопустимо. Вы же ничего здесь не знаете.

– Я разберусь, – ответила я с уверенностью, которую не испытывала. Куда легче, когда за тебя кто-то отвечает. Но в моём положении – и куда опаснее. – Вы мне только покажите, где университет, в который мне надо попасть завтра. Если меня действительно примут, жизнь станет куда проще. А если нет – придётся и дальше скрываться, а значит, будет лучше, если никто не узнает где. Даже вы.

Николай нехотя, но признал мою правоту. Я застегнула простенький Оленькин тулупчик на волчьем меху и поймала себя на том, что пытаюсь поправить несуществующий палантин, с которым сроднилась за время игры в мисс Мэннинг. Хорошо хоть не пришлось носить её украшения, а то сейчас страдала бы и за ними. Но палантин, уютный, большой, пушистый, он так лежал на плечах, что казался естественным продолжением тела. Нужно было вытребовать с Песцова что-то подобное в качестве гонорара. Или как компенсацию морального ущерба. Подумать только, все вещи уничтожили, невзирая на их ценность. Но ведь Ли Си Цын говорил что-то об их опасности?

И тут меня словно молнией шибануло: а не связано ли появление ещё одного облика с тем, что я слишком сильно соприкоснулась с тёмной стороной, к которой относились крэги? Подозрительный этот второй облик, а ещё подозрительнее, что я чувствую себя так, словно не ела с самого утра. Рагу ухнуло в желудок как в бездонную яму. Конечно, еды на двоих было не так уж и много, это несколько успокаивает, но всё же не настолько, чтобы я могла забыть слова Ли Си Цына, что он много ест лишь по необходимости. С другой стороны, у него был дефектный облик, который песцовский родственник хотел удержать, а я совершенно спокойно могу отказаться от столь неприглядной лисицы. Мне лазеры из глаз без надобности. Я и без того найду, чем приложить. Главное, чтобы моя рысь не пострадала. Но с ней же было всё нормально? Там же не было двух хвостов? Я занервничала. И нервничала всё время, пока спускалась под отводом глаз за Николаем, причём с каждой ступенькой всё сильнее и сильнее. К тому времени, как

оказалась на улице, я уже уверилась, что совсем скоро меня ждёт участь Ли Си Цына.

– Николай, мне очень нужно обратиться к Велесу, – по возможности небрежно сказала я, лишь только мы оказались на улице и я смогла набросить отвод на нас обоих. – Это же можно сделать в любом святилище? Их в Царсколевске много?

– Обратиться можно в любом, – чуть настороженный взгляд Николая показал, что моё деланное равнодушие его не слишком обмануло. – Но в часто посещаемых он может не заметить и не обратить внимание. Вообще, большая удача, что он тогда откликнулся. У вас что-то случилось? Я имею в виду – что-то, кроме того, о чём я уже знаю.

– Он со мной встретился ещё один раз, – нехотя признала я. – Значит, есть надежда, что заметит. И мне кажется, разговор нужен нам обоим.

А то вдруг Зверь пытается проявиться, выдав мне облик, приближённый к его созданиям? Заразу нужно сразу выжигать, не дожидаясь, пока я растолстею по неестественной причине, и главное – без надежды похудеть.

– Можно попробовать. Но в клановом было бы надёжнее. Я подумаю, кого попросить об услуге, но увы, не могу пообещать, что кто-то согласится. Это слишком... слишком внутреннее дело.

А ещё вполне может быть, что бог, который считался покровителем, отвернулся от клана, как это произошло у Соболевых. Но о таком же не будут сообщать посторонним. Такие компрометирующие сведения точно из клана не должны выходить. Конечно, если я пройду рядом, Велес может опять указать дорогу, но если он столь заинтересован в наших встречах, возможно, снизойдёт и до более скромных условий?

– Я в обычном попробую, – решила я. – Вы же мне покажете ближайшее?

Но ближайшее было уже закрыто. Выглядело оно не столь помпезно, как те два, в которых мне довелось побывать, тем не менее от него исходило нечто, давшее надежду, что меня там выслушают, а возможно, ещё и что-нибудь посоветуют. В последнем я сомневалась – наличие свидетелей вряд ли позволит богу со мной поговорить. Или он может разговаривать так, что остальные не слышат? И проявляться тоже. Или проводить меня по тропам, недоступным другим. В любом случае, он бог, ему доступно куда больше, чем мне.

Университет был тоже закрыт. По ажурной металлической ограде порхали защитные плетения, тончайшие, как паутинки и заманчиво поблёскивающие. Моего магического зрения оказалось недостаточно, чтобы

рассмотреть детали, очень уж они были мелкими, но пожалуй, плетения здесь посложнее лисицынских, не говоря о рысьинских – те вообще казались детской поделкой по сравнению с этими шедеврами от магии. Нужно узнать, кто создатель и напроситься к нему в личные ученики, ибо такой маг должен быть талантлив во всём. Правда, вряд ли он занимается

целительством, но можно же несколько специальностей взять. Это весьма, весьма перспективное направление – безопасность для целителей очень важна, поэтому я бы не отказалась изучить хотя бы пару хороших защитных плетений. Но пока оставалось их только рассматривать: до утра ни в университет зайти, ни оттуда выйти. Правда, пара окон в здании были

освещены. Возможно, там идут круглосуточные эксперименты?

Прохожих на улицах почти не было. Так, отдельные личности, не успевшие завершить дела в светлое время суток.

– И всё же мне не хотелось бы отпускать вас одну, Лиза, – внезапно сказал Николай. – Время позднее, мало ли что может случиться. Люди всякие ходят, и не только люди.

А ещё крэги, которые прекрасно нанизываются на сосульки. Можно сказать, отработанным до автоматизма движением.

– Не волнуйтесь, со мной всё будет хорошо.

Пользуясь тем, что нас никто не видит, я приподнялась на цыпочки и чмокнула его в холодную колючую щёку, тем самым и прощаясь, потому что сразу после этого я чуть сдвинула отвод глаз так, что теперь он опять скрывал только меня. Николай возмущённо закружил на месте, твердя, что я не могу так просто уйти и что мы ещё не всё обговорили, но я уже почти бежала от него. Время действительно было позднее, а мне ещё не только забирать свои вещи, но и искать гостиницу. Впрочем, с последней проблем точно не будет: по дороге мне попало несколько.

Обратную дорогу я нашла без труда: пусть я теперь была в человеческом облике, но могла использовать при необходимости и звериные чувства. Поэтому вскоре я стояла у нужного дома и настороженно осматривалась и принималась. Сейчас не помешало бы то плетение, которое использовали Владимир Викентьевич и Волков, когда проверяли, есть ли кто поблизости. Но ничего подозрительного я не углядела и не услышала, поэтому решила двигаться дальше.

Рысью я прыгала через забор, человеком же пришлось идти через калитку, сдвинув запор магическими щупами. Этак я скоро настоящим взломщиком стану, с такими тренировками однообразных навыков...

Щупами же я спихнула с балки своё имущество. Наверное, можно было и аккуратно спустить, но подумала я об этом лишь тогда, когда чуть не уронила книги. Вот было бы обидно, разлетись они по сараю по листочку.

Думаю, местная корова столь же флегматично могла начать пережёвывать бумагу, как жевала своё сено. Моё появление у неё даже лёгкого беспокойства не вызвало, разве пару раз недовольно помычала, но хозяева, к счастью, не выбежали проверять, не случилось ли чего. Да и спали они уже наверняка: в доме не горело ни единого огонька, так что я лишь мысленно поблагодарила всех за невольное гостеприимство и покинула участок, тщательно всё за собой закрыв.

В примеченной по дороге гостинице оказались свободные номера, но цены... цены меня неприятно удивили. Одну ночь я себе могу позволить, но завтра непременно нужно найти жильё. Сразу как схожу в университет и

узнаю, правда ли меня могут зачислить прямо сейчас. Точнее – прямо завтра, потому что прямо сейчас мне хотелось только одного: добраться до постели и уснуть.

Глава 3

Велес нашёл меня сам. Почувствовал, что хочу с ним встретиться, и пришёл во сне. Правда, это меня не слишком обрадовало, поскольку визит был короткий. Очень короткий. Велес окатил меня обжигающим сиянием и гулко выдохнул:

– Выполни, что должна.

После чего сияние начало удаляться и угасать. Я испуганно заорала ему вслед:

– Но моя форма!.. Ещё одна форма!.. Она же от Зверя?

Сияние застыло, словно обдумывая мои слова, потом вернулось ко мне.

– Не от Зверя, но под его влиянием. Ты слишком долго соприкасаешься с его силой. Сделай, что должна, и освободишься. И не зови меня, пока твой договор с другим богом не завершится. Я и без того дал тебе больше, чем следовало.

Он рассыпался искрами, как бывает только во снах, и тем не менее я осталась в полной уверенности, что это был не обычный сон, не причудливые выверты моего разума, воплощённые в таком странном виде, а настоящее явление бога, который дал понять, что считает меня неуёмной попрошайкой. Но мне не нужны были никакие привилегии от него, а всего лишь хоть какая-то ясность, которой как раз не дали. Одно понятно: артефакт нужно срочно найти и столь же срочно от него избавиться. Но идей как не было ровным счётом никаких.

Проснувшись я мокрая как мышь и первым делом попыталась вызвать оба звериных облика. Рысь приходила всё так же легко, а лису я чувствовала, но воплотить не могла. Причём чувствовала её не как что-то радостное, как всегда происходило с рысью, а как нечто пугающее и тёмное. Тут мне пришло в голову, что я могу посоветоваться ещё и с Мефодием

Всеславовичем. Недаром же он говорил про идущий от меня свет. Вдруг сейчас этого света почти не осталось и меня медленно, но верно затапливает тьма?

Домовой, проявившийся после открытия шкатулки и сразу огорошенный свалившимися на меня дополнительными проблемами, только недоумённо крикнул по окончании моего рассказа, получившегося

довольно-таки сумбурным, и обошёл меня кругом, внимательно оглядывая.

– Нет, – вынес он вердикт. – Тьмы я не вижу. То есть внутренней тьмы, её как не было, так и нет. Есть столкновение сил двух богов. Видать, китайцы-то поклоняются не тем или что-то с артефактами лисицынскими не

то. Сейчас не сказать. Вот защита велесовская истаивает, это да. Значит, тёмный бог скоро опять вас сможет видеть.

– Что же мне делать? – растерянно спросила я.

– Артефакт искать, как сказал Велес.

– Когда я была ещё в Ильинске, пыталась, но совершенно не продвинулась в поисках. Рысына думает, что артефакт в квартире Седых. Волков, похоже, тоже, но я совершенно ничего там не видела, никаких следов волшбы, только остатки защитной на двери. Из квартиры пропали все записи. Может, там было что?

– Может, и было, – согласился домовый. – Дак тепереча чего о том страдать? Вы же не знаете ни кто забрал, ни куда.

– Вариантов-то немного, – протянула я, прикидывая, не удастся ли получить каким-нибудь образом доступ к бумагам, оставшимся от родителей.

А ведь что-то из бумаг отца наверняка есть у Рысыных, пусть и не те, что похищены из квартиры. Только захочет ли княгиня дать мне доступ? После наших серьёзных нынешних разногласий – наверняка нет. И почему я не попыталась получить их с неё раньше?

– Всегда находятся такие варианты, о которых и не думаешь, – возразил Мефодий Всеславович. – Да и два для вас много, поскольку пока вам и одного не проверить. Первым делом вам, Елизавета Дмитриевна, защиту от Рысыных получить нужно, всё легче будет.

Я вынужденно с ним согласилась, поэтому даже без завтрака выдвинулась в университет. Для меня сейчас любое промедление могло оказаться роковым. Несмотря на раннее утро, людей на улицах было уже много, поэтому отвод глаз был не слишком удобен, пару раз я даже не успела увернуться и один раз чуть не упала при столкновении. Поэтому, здраво поразмыслив, я заменила отвод иллюзией, чуть видоизменив облик Павловой, который мог кто-то запомнить и меня опознать. Сделала лицо помоложе, чтобы соответствовать Оленькиной одежде и чтобы никто не удивился возрастной даме, заявившейся ни свет ни заря в университет. А так есть шанс удачно смешаться со студентами и проскочить.

Шанс я бездарно профукала. Во-первых, входящих на территорию университета с утра пораньше было очень мало. А во-вторых, от защиты был освобождён только небольшой проход через калитку, где меня сразу же задержали, поскольку проход был освобождён от защитных плетений, но не

от проверяющих артефактов, один из которых сразу же противно запыкал.

– Барышня, постойте-ка, – скомандовал выскочивший из сторожки мужчина в форме, напоминавшей армейскую.

Был он в возрасте и чуть прихрамывал, но что-то подсказывало, что удрать просто так от него не получится. На кончиках пальцев горело плетение, уже готовое сорваться и обездвижить, если ни чего похуже. Бежать было бессмысленно, защиты от этого я не знала. Но, может, всё не так страшно, если взять на вооружение рысьинские манеры?

– Вы мне? – высокомерно удивилась я. – В чём дело?

– На территории университета запрещено использовать ряд плетений, в том числе – изменяющие внешность. С полным списком вы можете ознакомиться вон там. – Он кивнул на сторожку. – Вас извиняет только то, что вы у нас впервые. Я вас раньше не видел.

– Впервые, – вынужденно согласилась я. – Но я ничего более использовать не буду. А изменяющее внешность не хотела бы снимать, поскольку есть вероятность, что не дойду, куда собиралась.

– На территории университета вас никто не имеет права задерживать, кроме службы безопасности университета.

– Не имеют права и не задержат – это разные понятия, не находите?

– мрачно уточнила я.

Одиночные студенты и студентки огибали меня, словно ручеёк камень посередине русла, и хотя бросали любопытствующие взгляды, никто не останавливался, чтобы узнать, чем закончится беседа.

– Нахожу, – усмехнулся охранник. – Но будьте уверены, что через меня вас точно так же не выведут, как вы не сможете попасть внутрь, пока не снимете запрещённое плетение.

– Хорошо. – Я развеяла плетение и с вызовом посмотрела на охранника. – Теперь я могу пройти?

– Теперь вы можете пройти на пост охраны и предъявить документы, чтобы я мог вам выдать разовый пропускной артефакт. Неужели вы думаете, что здесь можно просто так прогуливаться?

Именно так я почему-то и думала, но говорить этого, разумеется, не стала, согласно кивнула и прошла, куда сказали. Препираться можно было бы ещё долго, но что толку, если меня не пропустят дальше проходной?

Из документов у меня были разве что свидетельство о рождении, направление от Шитова и свидетельство об окончании гимназического курса, что я и выложила перед охранником, надеясь, что этого будет достаточно. Удивило, что, кроме него, в помещении оказались ещё двое.

Серьёзное какое заведение, этот магический университет, в него просто так не попадёшь. Это давало надежду, что я окажусь под надёжной защитой, будучи принятой.

– Седых? – скептически уточнил охранник. – А если поточнее?

По-видимому, для него не стало секретом моя возможность принимать звериную форму, хотя ни от него, ни от его коллег оборотнями не пахло.

– А если поточнее, то я имею права использовать эту фамилию, – сухо бросила я. – Это не преступление, не так ли?

– Ой, чую, несёте вы с собой проблемы с одним из кланов, барышня,

– недовольно покрутил он головой.

– Мои проблемы всегда со мной, – согласилась я. – Но подозреваю, что у университета собственных проблем столько, что мои не окажут существенного влияния на их количество.

Охранник одобрительно хмыкнул, вытащил деревянную пластинку, окутанную довольно грубыми плетениями, которые я не только рассмотреть могла, но и повторить без особых проблем, и вручил мне со словами:

– Вы на целительский факультет?

– Да. Кстати, не подскажете, где он находится?

– Подскажу, барышня Седых, почему нет?

Охранник указал на план, висевший на стене, и обстоятельно объяснил, как пройти, а также предупредил, что мои перемещения будут прекрасно видны охране, поэтому гулять просто так он мне настоятельно не рекомендует.

– Не приняты у нас развлекательные прогулки, барышня Седых.

«Седых» он каждый раз старательно подчёркивал, словно пытался показать, что он ни на грош не верит в то, что это действительно моя фамилия. Но хоть пропустить согласился, и то хорошо. Представляю, сколь бледно бы я выглядела, выйдя в своём собственном виде и наткнувшись на кого-нибудь из тех, кто меня разыскивает. Интересно, как скоро Волков прекратит искать меня в Китае?

– Студенты у вас тоже просто так не гуляют? – не удержалась я. – Только по делам и только по заранее утверждённым маршрутам?

– И студенты, и сотрудники – не посторонние лица, в отличие от вас, барышня Седых.

С поста охраны я вылетела, кипя от злости и провожаемая смешками. Приятно, что хоть у кого-то начало дня оказалось радостным. Я же успела

пожалеть, что не позавтракала, возможно, проще бы отнеслась к тому подобию допроса, что мне устроили. Есть хотелось просто ужасно, и это беспокоило, поскольку я всё так же опасалась, что это связано

с недоступным обликом лисы. Нужно будет себя жёстко в еде ограничивать – вдруг он отомрёт сам собой? Маловероятно, конечно, но вдруг...

Кафедру целительства я нашла без труда. И кабинет заведующего с солидной табличкой «Владимир Петрович Блинов» – тоже. Заведующего же пришлось подождать под присмотром неразговорчивой секретарши,

которая не отвлекалась ни на что, довольно медленно перепечатывая текст с листов с большим количеством правок. Время от времени она хмурилась, вертела очередной листок в руках и то вычёркивала, то подчёркивала что-то карандашом. Отвлекать её было себе дороже.

Наблюдать за работой секретарши долго не пришлось. Вскоре в приёмную размашистым шагом вошёл сухопарый мужчина возраста Владимира Викентьевича или чуть постарше, посмотрел на меня и удивлённо спросил:

– Вы ко мне, барышня?

– К вам, Владимир Петрович, – подтвердила секретарша, не дав мне рта раскрыть.

Видно, понадеялась, что меня заберут из приёмной и её никто более не будет отвлекать. Она даже не привстала со стула и не отложила очередной лист.

– К вам, – добавила и я и протянула направление и свидетельство.

Владимир Петрович лишь бегло взглянул, брать ничего не стал и сказал:

– Пройдёмте, барышня. Расскажите, что привело вас посреди учебного года.

В кабинете я устроилась на довольно удобном стуле для посетителей и сразу сказала:

– Необходимость.

– Что, простите? – удивился заведующий.

– Необходимость привела меня к вам посреди года, поскольку я хочу у вас учиться, но могу не попасть позже.

– Вы у нас кто?

Я протянула свои документы, которые он наконец удостоил вниманием.

– Седых? Станислав Андреевич Седых вам, часом, не родственник?

– Дедушка.

Отвечала я не слишком уверенно, поскольку знала только отчество матери, а вот отчество её отца – уже нет. Но Владимир Викентьевич отзывался о моём дедушке со стороны матери как о прекрасном целителе, так что почти наверняка речь сейчас шла о нём.

– Хорошая наследственность, – одобчительно сказал Владимир Петрович. – Насколько мне помнится, у него была одна дочь?

Я кивнула, внутренне напрягаясь, потому что от вопроса о матери наверняка перейдут к вопросу об отце, а уж от него до моей нынешней настоящей фамилии – рукой подать. Впрочем, это всё равно не скроешь: такое рано или поздно вылезает наружу, а в моём случае скорее рано.

– Мои родители погибли, поэтому я могу рассчитывать только на себя.

– Ой ли, барышня? – усмехнулся заведующий. – Я помню, за кого вышла дочь Станислава Андреевича. Вы же из Рысьиных? Разве они отказались вас поддержать?

– Представления княгини Рысьиной о моём будущем очень отличается от того, каким его хочу видеть я.

– Поэтому вы воспользовались первой же возможности избежать уготовленного вам будущего и пришли сюда?

– Нет, не поэтому.

– А почему?

– Потому что я хочу быть целителем.

Сказала и неожиданно поняла, что это действительно так. Я хочу быть целителем не потому, что у меня нет выбора, а потому, что я хочу именно этого. Хочу исцелять людей. Почему-то показалось, что я хотела этого или чего-то близкого в прошлой жизни. Хотела, но не сумела реализовать. Может, поэтому я рвалась сюда, а не просто пыталась спрятаться?

– Но вы же понимаете, что Рысьины с таким вашим выбором не смирятся?

– А что они смогут сделать? – удивилась я. – Пока я учусь, княгиня не имеет надо мной власти, разве не так? А потом я поступаю в

распоряжение армии, и она опять не имеет надо мной власти.

– Так-то оно так, – согласился Владимир Петрович, – но бывают случаи, когда представитель клана внезапно бросает учёбу, а клан компенсирует университету затраты. Точнее, в вашем случае это будет

компенсация военному ведомству.

– Я не брошу, – ответила я, не понимая, чего он добивается. – Я не для того сбегала, чтобы смириться с уготованной мне ролью у Рысьиных.

– Вы меня не поняли, – вздохнул он. – В любой момент вас могут, грубо говоря, выкрасть и представить это вашим собственным решением. Во внутренние клановые дела не вмешивается даже Его Императорское Величество, нам тоже никто не позволит туда лезть.

– Звучит не слишком оптимистично.

– Как есть. – Он развёл руками. – Современные реалии таковы, что, начав вас обучать, мы можем не закончить. Рысьины слишком значимый клан, чтобы мы могли игнорировать возможные неприятности. Стоите ли вы их?

– Стою, – уверенно ответила я. – Я сильный маг. Потенциально я одна из сильнейших целителей России.

Нет, конечно, можно было скромно потупить и начать мямлить, что я не так плоха, как ему кажется, но слишком уж неподходящая ситуация для показа скромности и хорошего воспитания. Да и не сложилось у меня с ними.

– Сильный – это сколько в единицах? – насмешливо хмыкнул Владимир Петрович. – Знаете, барышня, то, что для одних сильный, для других таковым не кажется. Я не слышал о сильных магах у Рысьиных, уж простите. Самый сильный маг на сегодняшний день там княгиня, её уровень держится в секрете, да, но что-то мне подсказывает, что он не такой уж впечатляющий.

– По косвенным признакам я сильнее, но в единицах, увы, не скажу. Мой уровень резко вырос после трагедии в семье. Замерялся только до этого, новый – нет.

– Вот как? – недоверчиво переспросил он. – Что ж, давайте хотя бы приблизительно определим.

Владимир Петрович достал из ящика стола дощечку с рисунком ладони в центре и инкрустацией драгоценными камнями по краям, на один из которых нажал, камни засияли, а я сразу вспомнила, что почти таким мне

предлагал измерить уровень Волков, а Оленька тогда сказала, что чем темнее отпечаток, тем выше уровень. Этот артефакт выглядел посolidнее, здесь даже сбоку была шкала, градуированная всеми оттенками коричневого

– от совсем светлых до почти чёрных.

– Кладите руку вот сюда. Посмотрим, стоит ли за вас бороться. Учтите, будет светлее, чем тут. – Он ткнул довольно близко к центру, но всё же в нижнюю половину шкалы. – Тогда разговор на этом и закончим.

Скандал с Рысьиными не стоит появления ещё одного слабого армейского целителя, способного полноценно работать только с артефактами.

Руку я класть не торопилась, напротив, испытала серьёзное беспокойство. Вдруг я переоцениваю полученный мной магический дар и сейчас это выяснится? А если не переоцениваю, то не хотелось бы, чтобы это стало известно всем желающим. Но без проверки меня точно не примут.

– Могу я быть уверенной, что результаты не выйдут за пределы этого кабинета? – уточнила я, почти занеся руку над артефактом.

– Моего слова вам достаточно?

– Вполне.

– Обещаю вам, что никогда и никому не расскажу о показанном этим артефактом уровне вашего дара, – усмехнулся Владимир Петрович. – Не тяните, активированный артефакт тратит много энергии, не хотелось бы, чтобы она уходила впустую.

Я приложила руку и подождала необходимое время, после чего отняла его от дощечки с некоторым душевным трепетом – как-никак сейчас выяснится хотя бы приблизительный мой уровень.

Хозяин кабинета потрясённо охнул. Я бы тоже ему вторила, если бы напрочь не потеряла голос, увидев результат. Отпечаток был угольно-чёрным, таким чёрным, словно я прожгла дощечку насквозь. Но это было не так: прошло некоторое время и он начал стремительно светлеть, пока не сравнялся по цвету с остальной дощечкой.

Глава 4

Владимир Петрович о чём-то мрачно размышлял, постукивая по столешнице. Короткое общение с Песцовым привело к пониманию, что в вопросах музыки я полный профан и при определении мелодии мне не стоит полагаться на собственный слух, но сейчас было достаточно взглянуть на лицо моего визави, чтобы понять: внутри его симфонический оркестр исполняет траурный марш. Ещё бы: я только что честно призналась, что мой магический багаж очень скромный и у Рысьиных меня если и учили чему, так только контролю. «Предусмотрительно с их стороны», – буркнул заведующий и впал в некое подобие транса. Очень, очень долгое, настолько долгое, что я устала сидеть без дела и выразительно прокашлялась, намекая, что сейчас я не на концерте и хотела бы услышать что-то более определённое, чем отстукиваемый ритм. Владимир Петрович отмер, перестал стучать и спросил:

– А почему вас направили именно на целительское? С такой силой и

контроль неважен, если речь идёт о военных магах.

– Контроль всем важен, – возразила я. – И кувалда, и микроскоп могут весить одинаково, но вторым никто не станет ничего забивать в стену.

– Спорное утверждение, – заинтересованно блеснул глазами заведующий.

– Никто с наличием мозга, – внесла я поправку.

– Понимаете... – он придвинул к себе направление и выцепил оттуда моё имя, – Елизавета Дмитриевна, много силы без базового владения – не всегда хорошо. Для нас, целителей, важнее владение ею. Чем виртуознее владеет имеющимся даром целитель, тем он большего достигает в своей профессии.

– Виртуозно владеть даром должны научить у вас, не так ли? – чуть удивлённо спросила я. – Или вы ожидаете, Владимир Петрович, что к вам на обучение придёт уже полностью готовый целитель, в которого будет достаточно впихнуть некоторое количество теоретических знаний и отправить с дипломом в свободное плавание? Не такой я представляла роль университета.

– Вы на редкость странно разговариваете для вашего возраста, – заметил Владимир Петрович. – Разумеется, мы не рассчитываем, что абитуриенты придут к нам с базой знаний. Я совершенно не это имел в виду. Проблема в том, Елизавета Дмитриевна, что для целителя высокий уровень магии не столь важен, как, к примеру, для армейских магов. С вашим

уровнем дара противника можно просто размазывать по площадям, не особенно при этом напрягаясь и получая куда больше денег, чем приходится на долю целителей.

И посмотрел на меня этак выжидающе, словно я только и ждала предложения хоть от кого-то идти и громить врагов Родины.

– Я вам уже сказала, что не хочу размазывать, а хочу собирать, и по возможности так, чтобы человек жил дальше долго и счастливо. И потом, у меня направление от армии конкретно к вам. – И, чтобы отбить у собеседника желание возвращаться к теме военных магов, тезисно повторила специально для него: – Я хочу быть целителем. У меня направление от армии. Я собираюсь приложить все силы, чтобы не только поступить, но и закончить. И я не собираюсь возвращаться к Рысьиным. Меня их мнения и желания волнуют в последнюю очередь.

– Так я о чём и толкую, Елизавета Дмитриевна, – оживился Владимир Петрович. – Поступи вы в Императорскую Царсколевскую Военную академию, Рысьиным вас было бы куда сложнее выцепить.

– Но не невозможно?

– Увы.

Похоже, грядущие проблемы с Рысьиными пугают заведующего куда больше, чем радует возможность заполучить сильного мага. Но, насколько я понимаю, отказать он мне не может, раз уж я добралась. Хотя документы сейчас лежат куда ближе ко мне, чем к Владимиру Петровичу, который почти инстинктивно отпихивал их от себя.

– Значит, мы возвращаемся с к тому простому факту, что я не хочу никого убивать, даже ради собственного благополучия.

Владимир Петрович посмотрел так, что я почему-то вспомнила, что как раз убивать мне уже пришлось. Но в противном случае крэги бы уничтожили нас с Песцовым, и не факт, что нами бы и ограничились. Поэтому ни малейших угрызений совести у меня не появилось, и я подвинула к заведующему направление, которое уже грозило свалиться на пол, не озабочься я его дальнейшей судьбой, и сказала:

– От вас требуется всего лишь написать приказ о моём зачислении.

– Всего лишь? – пробурчал заведующий, впрочем, вполне благожелательно.

Перемену в его отношении я почувствовала, чем и решила воспользоваться.

– Я была бы весьма признательна, Владимир Петрович, если бы вы проявили и дальнейшее участие в моей судьбе и помогли с работой и проживанием при университете.

– Да вам палец в рот не клади, Елизавета Дмитриевна! – расхохотался он. – Оттяпаете по локоть. Впрочем, Рысьины все такие: если уж вцепились – не оторвать. Княгиня тоже весьма упорная особа. Понятно, что вы не могли ужиться и она попыталась вас подмять. Что она знает о вашем уровне магии?

– Разве что только то, что я имею больше двухсот единиц, – чуть подумав, предположила я, исходя из самого плохого варианта, что Владимир Викентьевич выкладывал главе клана обо мне всё, что ту интересовало. – Я не особо афишировала свои успехи перед посторонними.

– Более двухсот? Да вы затейница, Елизавета Дмитриевна.

Владимир Петрович выразительно посмотрел на лежащий на столе артефакт, на котором, конечно, уже не было и следа измерений, но в памяти, что моей, что его наверняка так и стояло пятно глубокого чёрного цвета.

Интересно, сколько это в единицах? Но спрашивать я не стала – всё равно значение будет лишь приблизительным...

Наконец Владимир Петрович окончательно осознал, что отделаться от меня не выйдет ни под каким предлогом, вздохнул, вызвал секретаршу и поручил ей отпечатать приказ о зачислении, тут же завизированный сложным артефактом, от которого отошло дымное облачко и довольно целеустремлённо куда-то двинулось.

– Это что? – подозрительно уточнила я.

– Вы о чём? – удивился Владимир Петрович.

– О магическом облаке, которое куда-то поплыло.

– Вы увидели? – удивился он. – Впрочем, немудрено, при вашем-то потенциале. Сообщение в Императорскую канцелярию. Увы, но уже в ближайшее время ваша родственница узнает, где вы, и попытается, так сказать, с вами воссоединиться.

Это было весьма неприятным известием. Я пожалела, что не озаботилась покупкой вещей до визита сюда, ибо выход отсюда мне теперь заказан. Одного комплекта одежды, даже при условии, что я его буду чистить магией, надолго не хватит. С другой стороны, он у меня хотя бы есть. Было бы куда хуже, прискачи я в этот кабинет рысью, держа документы в зубах. Интересно, как к этому отнеслась бы охрана? Запрещено ли менять облик и гулять по местным аллеям? Впрочем, насколько я поняла, это считается довольно интимным занятием.

– Уверена, счастливого воссоединения не произойдёт, – кисло заметила я. – Мне вполне хватит воссоединения с университетом. Не стоит вмешивать в эти отношения ещё и клан Рысьиных, которых я совершенно не интересую как маг.

– Да, в вопросах изучения магии у вас серьёзные пробелы, – согласился Владимир Петрович. – При университете есть курсы по контролю и тонким плетением. Вам бы не помешало на них походить. Чем выше уровень, тем сложнее его брать под контроль и выполнять сложные плетения.

Предложение казалось заманчивым, только вот вряд ли университет склонен к благотворительности.

– Они наверняка платные?

– Платные, но стоимость не запредельная. У вас совсем нет денег?

– Не то чтобы совсем, но ограниченное количество, а из вещей – только то, что на мне, да и то, признаться, не моё. Я осталась без багажа в результате несчастного случая.

Созданного Волковым с Ли Си Цыном. Наверняка самые талантливые организаторы несчастных случаев в Российской империи и для себя, и для других.

– То есть...

– То есть все мои вещи при мне. Именно поэтому, Владимир Петрович, мне жизненно необходима работа, и если на вашей кафедре нет свободной должности, поищу на других. Или в обслуживающих структурах. Например, в столовой.

– Что, и посуду согласитесь мыть, Елизавета Дмитриевна? – насмешливо уточнил Владимир Петрович. – Представитель крупного клана

– и в посудомойки?

– Почему нет, если это позволит получить здесь жильё? Насколько я поняла, за пределы ограды мне пока нежелательно выходить.

– Правильно понимаете. Возможно, княгиня Рысына остынет и поймёт, что клану выгодней иметь хорошо обученного целителя, тогда нужды в подработках у вас не будет.

– Возможно, – на всякий случай согласилась я, хотя была уверена, что планы у моей любящей бабушки в отношении меня никогда не включают образование, да и я ясно дала понять, что не считаю себя частью клана и собираюсь его покинуть. Так что воспользуется моя дорогая родственница любой возможности вернуть беглую внучку в любящую семью. – Но в любом случае это произойдёт не завтра, так что пока мне нужна работа. Возможно, вы мне посоветуете, где её найти, не выходя с территории университета? Я согласна на любую. В конце концов, тарелки тоже кто-то должен мыть.

Прозвучало несколько пафосно, но если уж меня отправят на столь неквалифицированную должность, мыть их точно не буду, у меня на такой случай припасены прекрасные бытовые плетения, позволяющие и фаянс

отчистить, и самый тонкий хрусталь оттереть до блеска. Владимир Петрович этого, разумеется, не знал, поэтому моя готовность к жертвам произвела на него нужное впечатление.

– Разумеется, в посудомойки вас никто не определит, – чуть смущённо сказал он. – Такого Фаина Алексеевна нам никогда не простит. Но конкретно у нас на кафедре есть только одно вакантное место лаборанта в лаборатории целительских артефактов.

– Это замечательно, я согласна, – почти перебила я заведующего, как раз собирающегося пояснить, почему оно мне не подходит.

– Боюсь, Елизавета Дмитриевна, – не сбился Владимир Петрович с мысли, – это слишком грязная работа для деликатной барышни.

Поскольку она была единственной и, можно сказать, в шаговой доступности, отказываться от неё я не собиралась. Работа, да ещё связанная с моей будущей специальностью – как раз то, что мне сейчас необходимо.

– Зато наверняка очень интересная, – нашла я что сказать. – Целительские артефакты – за ними точно большое будущее.

– Хм, действительно, как это я забыл? – внезапно оживился Владимир Петрович. – Ведь ваш дедушка, Станислав Андреевич, был известнейшим специалистом по целительским артефактам. Артефакты Седых до сих пор используются и считаются одними из лучших. Семейная тяга, значит.

Посмотрел он на меня почти умиленно, я же не стала его разочаровывать сообщением о том, что если я и знала что-то об отце матери, то только то, что тот был сильным целителем. Про его работу с артефактами я сегодня услышала впервые.

– У нас и труды его в библиотеке есть, – тем временем радостно продолжал заведующий. – Весьма, весьма выдающиеся труды. Но что это я? Вы же наверняка их читали, Елизавета Дмитриевна.

– К моему величайшему сожалению, нет. У нас дома не было ни одной книги по магии.

– Ни одной? – осуждающе повторил Владимир Петрович. – Как это непредусмотрительно.

– Значит, я могу считать должность лаборанта своей? – не позволила я ему отвлечься.

– Экая вы напористая барышня, Елизавета Дмитриевна.

И не понять, осуждает или поддерживает. Наверное, я веду себя совсем не так, как положено вести себя воспитанной барышне из крупного оборотнического клана. Но тут уж ничего не поделать. Не сумела Фаина Алексеевна воспитать внучку в должном ключе, за что и пострадала, как морально, так и финансово. Наверняка уже на частных детективов

потратилась, не обошлась же она одними объявлениями в газетах и обещаниями Волкову?

– Когда ваша жизнь зависит только от вас, Владимир Петрович, поневоле приходится быть напористой, если не хочешь оказаться там, куда запланировала засунуть бабушка. А именно – на задворках жизни.

Я попыталась скромно улыбнуться, но, подозреваю, рыси скромно улыбаться не умели, только хищно, потому что во взоре Владимира Петровича так и не появилось сочувствия к барышне, попавшей в беду. Впрочем, я себя таковой и не чувствовала. Разве что немного загнанной в угол, из которого я уже почти выбралась.

– На задворках вам точно не суждено оказаться, Елизавета Дмитриевна. Но я не уверен, что вы справитесь с должностью лаборанта.

– А как насчёт испытательного срока? – предложила я. – С предоставлением служебной жилплощади?

– Оплачиваемой, – сурово предупредил он.

– Разумеется, Владимир Петрович, – улыбнулась я совершенно счастливо, поскольку поняла: этот раунд за мной. – Я не прошу ничего сверх необходимого минимума. И приложу все силы, чтобы оправдать ваше доверие. Я очень быстро всему учусь, Владимир Петрович.

– А ещё вы необычайно скромны, Елизавета Дмитриевна, – ехидно заметил Владимир Петрович, придвигая к себе ещё два листа бумаги. – Учтите, если заведующий лабораторией по окончании испытательного срока откажется с вами сотрудничать, вам придётся искать другое место работы.

– Не откажется, – уверенно ответила я. – И на рекомендованные вами курсы я тоже непременно пойду. В моих интересах получить знания и показать себя с наилучшей стороны. Вы не пожалеете, что мне помогли.

– Хотелось бы в это верить, Елизавета Дмитриевна, – вздохнул Владимир Петрович. – И вот ещё что. Я бы не рекомендовал вам пока проходить официальную процедуру по определению уровня дара, а всем любопытствующим отвечать, что моим артефактом показано чуть больше двухсот единиц. В целях вашей же безопасности: для полноценного обучения этого уровня достаточно, в то же время не привлечёте повышенного интереса. То есть, конечно, привлечёте, но как красивая девушка, а не как разменная монета в межклановых играх.

Про межклановые игры он сказал с явным неодобрением. Наверное, считает их пережитком, висящим кандалными шарами на ногах Российской империи. И в этом он, несомненно, прав: с того, кому много дано, должно и больше спрашиваться, но по факту им многое спускается с рук...

Глава 5

Первым делом я отправилась радовать заведующего лабораторией целительских артефактов тем, что так необходимый ему лаборант готов приступить к работе уже с завтрашнего дня. К сожалению, самого заведующего на месте не оказалось, и пришлось радовать того, кто там обнаружился. А именно: аспиранта Соколова Павла Владимирович, которого я сразу уведомила, что работать у них буду до начала моих занятий, предусмотрительно умолчав об испытательном сроке. А зачем о нём вообще вспоминать, я же его непременно пройду.

– Седых? – удивлённо спросил он. – А если безо всякой конспирации?

– То Седых, – твёрдо ответила я. – Собираюсь пойти по стопам дедушки, талантливого целителя. Мне сказали, у вас в лаборатории много его работ.

– Да откуда много? – запротестовал Соколов, но немного отстранённо, словно основные мыслительные мощности уходили на решение вопроса, откуда же я, такая замечательная, свалилась к ним на голову. – Пару брошюрок, и то слишком специализированные, чтобы вы там хоть что-то поняли. Простите, если обидел, но там отнюдь не развлекательная литература, Елизавета Дмитриевна.

– Ничего страшного, – бодро ответила я. – Собираюсь сделать всё, чтобы не посрамить память дедушки. И разобраться во всём, в чём он разбирался, планировал разобраться и о чём даже не подозревал.

– Какие у вас обширные планы, Елизавета Дмитриевна, не боитесь надорваться? Красивым девушкам самоистязание вредно.

Не знаю, что там решил Соколов по поводу моего происхождения, но сейчас он знатно распушивал хвост, пытаясь произвести на меня наилучшее впечатление из возможных.

– Что поделаться? – притворно вздохнула я, решив сразу дать понять, что за мной никаких сильных кланов не стоит. – Одинокая девушка, как бы она ни была хороша, должна что-то есть и где-то жить. Кстати, мне сегодня необходимо решить ещё обе эти задачи, поэтому я вас покину до завтра. В чём мне нужно приходить на работу?

– Вам нужен лабораторный халат, – уже не с таким энтузиазмом ответил он. – Но его мы можем подобрать из имеющихся у нас. Я бы и сейчас вам выдал, но нужно разрешение Тимофея Филипповича.

Он улыбнулся с таким выражением, словно если бы всё зависело от него, то он бы мне точно выделили всё самое лучшее и немедленно.

– Я понимаю. – Отзеркалила я ему улыбку. – Думаю, ничего страшного до завтра не случится.

– Вспомнил! – внезапно оживился он. – Вы же Рысына.

– Я – Седых, – с напором поправила я, намекая, что слишком хорошая память не способствует хорошим отношениям со мной.

– Кстати, вы не очень-то и похожи на свою фотографию. Подождите-ка... – Он метнулся к шкафу, вытащил пачку газет и споро начал их перебирать. – Вот. Смотрите сами, Елизавета Дмитриевна.

В газете обнаружилось ещё одно рысынское объявление, на этот раз с фотографией и увеличившейся до 12 тысяч суммой за информацию о пропавшей любимой внучке. Как жаль, что мне не воспользоваться столь заманчивым предложением. Даже телеграфирую я прямо сейчас бабушке, вряд ли выплатит. А вот Соколову... Хотя он, кажется, тоже не выглядит

особо заинтересованным обещанными деньгами.

– Хотите подзаработать? – уточнила я.

Соколов сначала оскорблённо вскинулся, а потом всё же решил перевести в шутку.

– Увы, не получится, – притворно вздохнул он. – Рысьины уже наверняка в курсе, где вы. Не пошли на поводу у княгини? И правильно, – неожиданно закончил он. – Я считаю, что все эти клановые системы и сопутствующие им ограничения – пережитки прошлого. Вы со мной согласны?

– Разумеется, – подтвердила я, подозревая, что основная причина столь резких высказываний в том, что семье Соколова не удалось правильно встроиться в эту систему. Пиджачок на нём был несколько потёртый и явно не из последней модной коллекции. Даже Моськин выглядел солиднее. Похоже, целителям-теоретикам не так много платят...

– Система самодержавия насквозь прогнила, – вдохновенно вещал Соколов. – Вы не представляете, в каких условиях нынче живёт университетская интеллигенция. А рабочие? А крестьяне? Разве может человек разумный жить в таких условиях?

Я забеспокоилась. Чем-чем, а свержением существующего государственного строя я заниматься не собиралась. Плох ли, хорош – мне пока было не до изучения этого вопроса, а вот получить отметку неблагонадёжной личности прямо сейчас я могла запросто. А с ней меня так же запросто могли выставить из университета прямо в любящие бабушкины руки.

– Боюсь, не нам с вами об этом судить, – осторожно заметила я. – Наше дело – целительство, а не политика.

– Наше дело – спасение людей, – возразил Соколов. – А для этого хороши все средства.

– Все законные средства, – парировала я.

– Разумеется, Елизавета Дмитриевна, – воодушевился он. – Разве я говорю о незаконных?

– Все законные целительские средства, – отрезала я и двинулась к выходу. – Всего хорошего, Павел Владимирович.

– Для вас просто Павел, – сказал он мне вслед.

Но поскольку я уже была за дверь, сделала вид, что не услышала. Вот ведь засада какая! Нужно держаться подальше от тех, кто, пролетая над тобой, может нехило обгадить. А то, что он Соколов, а не Воробьёв даже хуже, потому что дерьма в случае чего окажется куда больше. В приметы

про гадающих на счастье птичек я не верю, поэтому было бы лучше, если бы остальные беседы проходили под присмотром заведующего лабораторией. И касались исключительно рабочих вопросов.

Владимир Петрович, несмотря на то что издал приказ о моём зачислении, направил меня всё же не в студенческое общежитие, а в здание, где проживали аспиранты и преподаватели. Разумеется, те, кто не имел жилья в городе. Когда я увидела своё, поняла, почему это здание такое маленькое: отсюда сбегали при первой же возможности. Комната была на одного, но совершенно крошечная, и ни о каких личных удобствах, к которым я уже успела привыкнуть, и речи не шло. Я потрогала матрац, твёрдый, почти как доски под ним, и подумала, что высыпаться в таких условиях – сродни подвигу. Надеюсь, хотя бы клопов тут нет.

– Столоваться будете у нас али как? – спросил управляющий, не дождавшись от меня положенных при заселении восторгов.

– А какие варианты?

Я попыталась осмотреть шкаф, такой плоский, что вздумай кто туда прятать любовника, не смог бы закрыть дверцу. Впрочем, для начала её надо было распахнуть, а моих сил для такого простого действия не хватало. Дверца мёртво стояла на страже нравственности.

– У нас, в студенческой столовой, в городе. – Управляющий, заметив мои затруднения, дёрнул за ручки и створки с противным скрипом распахнулись, обнажив унылое нутро с одной вешалкой. – У нас чуть подороже, чем в студенческой столовой, но тоже идут доплаты из казны. В комнатах готовить нельзя, узнаю – оштрафую.

Сговорились мы в конце концов и на проживание, и на стол, тем более что поесть я могла уже сейчас, что и стало определяющим. К тому же я

преположила, что преподавателей должны кормить получше, чем студентов. В конце концов, если будет совсем плохо, просто откажусь со следующего месяца и перейду в студенческую столовую.

Завтрак не впечатлил – остывшая каша и еле тёплый чай – но был совсем не лишним. Маленький пирожок с повидлом, выданный к чаю, я есть не стала, оставила для Мефодия Всеславовича, шкатулку с которым открыла, как только вернулась с завтрака и заперлась в комнате.

– Получилось, Елизавета Дмитриевна? – осторожно уточнил он, оглядев новые совершенно невпечатляющие владения.

– В университет зачислили, на работу приняли, – отрапортовала я. – Правда, Мефодий Всеславович, на работе возможны проблемы.

Обрисовать проблемы я не успела, поскольку в дверь постучали столь сильно и уверенно, что я сразу решила: вот он, результат неосторожного разговора с Соколовым. Да он вообще мог быть провокатором, и сейчас по мою душу пришла полиция. Кстати, как происходит арест владеющих

магией? Это же может быть опасно для окружающих, если маг не захочет арестовываться. Но тут уже ранее виденное зелёное плетение ворвалось в комнату, обрисовало меня и прошло сквозь домового, не посчитав его препятствием.

– Елизавета, открывай. Я знаю, что ты тут. – Кого-кого, а княгиню услышать я настолько не рассчитывала, что от растерянности попросту застыла посреди комнаты. – Или ты меня боишься?

– С чего бы мне вас бояться, дорогая бабушка? – насмешливо протянула я, открывая дверь. Почему-то осознание, что по мою душу пришли всего лишь родственники, несказанно успокоило. – Просто видеть вас желания нет.

Княгиня была одна, не озаботилась она группой поддержки. То ли была уверена, что в случае чего справится со мной без помощников, то ли хотела поговорить без свидетелей.

– Признаться, тебе удалось меня удивить, – высокомерно бросила она. – Только ради чего? Ради вот этого вот? – Презрительный кивок на жалкое убранство комнаты, в которой шкаф так и щерился дверцами, показывая пустое нутро. – Рысьины так жить не должны.

– Я не Рысьина, я Седых.

– Я бы поспорила, – княгиня прищурилась, старательно притушивая внезапно заблестевшие глаза. – Рысьиной тебя признал тотем основателя, что касается Седых... Могу я войти или так и будем разговаривать на пороге, делая нашу беседу достоянием любого желающего?

– Входите, Фаина Алексеевна.

Я посторонилась, и княгиня прошла мимо, предоставляя мне возможность закрыть за собой дверь. Уселась она на стул с таким видом, словно тот стоял в тронном зале. Поскольку стул был единственным, наверняка она рассчитывала, что я останусь стоять и приму её выговор со склонённой головой. Но я устроилась на кровати, которая хоть и жёсткая, а всё же помягче цельнодеревянного стула.

– И стоило оно того? – мягко спросила княгиня. – Лишиться всего, что имеешь, ради призрачного шанса.

– У меня ничего не было, – напомнила я. – Раз уж вы отказываете мне в фамилии Седых, то и на их имущество я претендовать не могу, не так ли?

На всякий случай я поставила полог тишины, но, похоже, в этот раз наш разговор не был интересен никому, кроме нас двоих: попыток подслушать не наблюдалось.

– А ведь я могу обеспечить тебе массу неприятностей, – улыбнулась

она, почти мурлыча. – Не любят у нас, когда происходит захват чужого тела.

Обеспечить неприятностями могла и я Рысьиных.

– Я это сделала не по своему желанию, а по вашему, – напомнила я.

Княгиня подавилась тем, что собиралась приводить аргументами дальше, и прошипела в ответ:

– Что за ерунду ты несёшь?

Но несмотря на сказанное, она весьма споро построила свою защиту от прослушивания: ведь моей она не видела и опасалась, что Рысьинские секреты узнает посторонний.

– Видите ли, Фаина Алексеевна, если сесть и спокойно подумать, почему вообще после применения заклинания, выдернувшего из тела душу, удалось притянуть хоть кого-то, приходишь к неутешительным выводам: для этого оно должно было произнесено в присутствии тех из клана, кто сможет быстро переправить тело, оставшееся без души, к целителям. А значит, напали на нас Рысьины и они же убили Ольгу Станиславовну. Вы рассчитывали, что испуганный человек, которому не на кого и не на что будет опереться, согласится на все ваши условия. Но, простите, с убийцами мне не по пути. Доказать, кстати, присутствие людей из клана при необходимости будет проще простого.

Намекала я на снятые в квартире отпечатки пальцев, но княгиня о том вряд ли могла знать. Впрочем, на неё и без того было жалко смотреть: высокомерие с неё слетело, а вот груз прожитых лет, напротив, проявился на лице. В один момент она превратилась из молодой женщины в поникшую развалину.

– Ты не права, – хрипло выдавила она. – Мы не убивали Ольгу.

– Она сама убилась? – предположила я. – Учтите, я не поверю, что при убийстве не было вас или кого-нибудь другого из клана.

– Если ты так уверена в своих выводах, почему не боишься, что мы и тебя уберём? – с нехорошей улыбкой спросила Рысьина.

– Вам нужен артефакт, – напомнила я, – к которому ключом является это тело.

– Ты можешь думать о нас что угодно, но мы не убивали Ольгу, – твёрдо сказала княгиня. – Да, всё дело в артефакте, чёрт бы его побрал! – она стукнула кулаком по столу, на котором словно выжженный след остался, но я пенять на порчу казённого имущества не стала. – Потому что эта дура не понимала, как опасно владение такой вещью. Я её уговаривала отдать, что обезопасило бы вас обеих, но она стояла насмерть. Вот и...

– Поэтому вы её решили припугнуть?

– Не поэтому. А потому что та Лиза показала артефакт не тому человеку, и посторонним стало известно о том, что он у неё есть. Это перестало быть тайной.

– Посторонним – это Юрию Александровичу? – уточнила я, прикинув, кому именно могла показать секретный артефакт та Лиза, что была до меня. По всему выходило, что доверенных лиц у неё было не так уж и много.

– Именно. – Княгиня кивнула и сложила руки под грудь. За её руками я следила не отрываясь: всё же не было полной уверенности, что она не попытается меня устранить. – Что Александр Николаевич, что его сын необычайно болтливы, поэтому вопрос был только в том, когда информация дойдёт до заинтересованных людей и за внучкой начнётся охота.

– А не проще было бы вернуть артефакт владельцам? Это сразу снимало ряд проблем.

– Сразу видно, что ты мыслишь другими категориями, – высокомерно ответила княгиня. – Владение подобным артефактом даёт клану большие преимущества, пусть даже это владение тайное. Но каких-то сто лет – и артефакт считался бы уже нашей собственностью. Конечно, это большой риск и проще было бы вернуть бывшим владельцам. Но открытый возврат бросил бы на наш клан такую тень, от которой мы бы долго не оправились, если вообще смогли бы это сделать. В любом случае решать что-то можно, только имея артефакт на руках, а Ольга наотрез отказывалась его нам отдавать.

– Почему?

– Дура она была, вот почему! – огрызнулась княгиня. – Непроходимая дура! Она не доверяла мне.

Я прекрасно понимала Ольгу Станиславовну, поскольку тоже не доверяла Рысьиной и жизнь мне успела доказать, что в этом вопросе я совершенно права.

– У неё были на то основания.

– Я её не любила, да. Но я никогда и ни в чём её не обманывала. Ольга была частью нашего клана, как и Лиза, и мы ни за что не стали бы намеренно причинять им вред.

– А ненамеренно?

– И ненамеренно, – холодно сказала Рысьина. – Я решила просто их напугать. Признаюсь, при этом я ещё учитывала вероятность прироста магии у Лизы. Мы со Звягинцевым часто размышляли, что можно сделать для неё. Она была милой девочкой, и мы бы с ней непременно нашли общий язык, не стой между нами Ольга.

Бабушка бы подмяла под себя внучку без тени сомнений и устроила бы

её жизнь так, как посчитала бы нужным. Наверное, что-то такое отразилось у меня на лице, потому что княгиня высокомерно вздёрнула подбородок и выдохнула:

– Я её любила и не желала ей зла. Она бы точно жила лучше, чем с матерью, которая только и твердила, что ей ничего от Рысьиных не нужно. Да, Лиза в клане ни на что серьёзное не могла бы претендовать из-за своей наследственности, но она бы точно ни в чём не нуждалась.

– О любви и нелюбви можно говорить долго, но вы собирались рассказать, что же там произошло.

– Как только зашла речь про артефакт, Ольга убила себя и дочь, – коротко сказала княгиня. – Причём использовала плетение, не позволяющее призвать и допросить душу. Возможно, она планировала это заранее, потому что я понятия не имею, откуда она знала это плетение. Оно, знаешь ли, не из общедоступных.

Пожалуй, это звучало довольно правдоподобно и позволяло прояснить то, чего я не могла понять раньше: зачем Рысьиным понадобилось убивать Ольгу Станиславовну с дочерью, если артефакт при этом им не доставался.

– Это оказалось неожиданностью для моих людей, но всё же они доставили обеих Звягинцеву, – так же сухо продолжила княгиня. – Тело Ольги к тому времени уже умерло, Лизино подавало признаки жизни, поэтому Звягинцев сделал всё возможное, чтобы её вытащить.

И
невозможное. Он, знаешь ли, тоже любил Лизу. И для нас оказалось серьёзным ударом, когда выяснилось, что ты не она.

Её глаза заблестели, но плакать при чужих, а меня она точно считала чужой, Рысьина не собиралась. Она взяла себя в руки и холодно спросила:

– Удовлетворена?

Глава 6

Княгиня молчала, высокомерно задрал голову так, словно собиралась поражать меня недружественным плетением прямо из подбородка. Вероятность такого я бы не исключала, поскольку понятия не имела, на что она способна, а на что нет. Как показала практика: сила – это отнюдь не всё, важно, как ты можешь распорядиться имеющимся резервом. Пока Рысьина куда искусней меня по любому вопросу в магии. Врала ли она сейчас? Возможно, и нет, но наверняка что-то недоговаривала. Что-то, что она считала несущественным, или напротив – слишком существенным, чтобы выдавать мне, поскольку я для неё была Рысьиной лишь формально.

Я молчала тоже. Удовлетворена ли я была её объяснением? Разумеется, нет. Но скажи я это – и ровным счётом ничего не изменится. Княгиня объяснила только то, что собиралась, вряд ли она добавит ещё что. Выдала

необходимый минимум – и успокоилась. Ну что ж, молчать можно и вдвоём...

Паузу мы тянули обе. Несколько раз я ловила на себе недоумённый княжеский взгляд, наконец она всё же не выдержала первой.

– Лиза, почему ты молчишь?

– Размышляю, что из рассказанного вами – правда.

– Разумеется, всё! – возмутилась княгиня. – Неужели ты мне не веришь?

По её оскорблённому виду впору было ожидать, что меня прямо сейчас вызовут на дуэль, чтобы хоть так восстановить поруганную честь. Но была ли она?

– У меня есть причины безоговорочно вам верить? До сих пор вы только и делали, что меня обманывали.

– Какая же ты нахалка, – воскликнула она больше с восхищением, чем с порицанием. – Мы непрестанно о тебе заботились. Только и делали, что помогали встроиться в общество. Заботились о тебе. Учили.

– Вы? Разве что Владимир Викентьевич.

– Не обольщайся хорошим отношением Звягинцева, – искривила она тонкие губы в неприятной улыбке. – Делал он то, что я ему приказала. Запрети тебя поддерживать – он не смог бы ослушаться.

– Клятва бы не дала?

– Именно. – Она чуть склонила голову, затем опять её гордо откинула. – Удобная вещь клятвы. Для обеспечения лояльности нет ничего лучше.

– Вряд ли Владимир Викентьевич думает так же, – не удержалась я, сразу вспомнив, как он предлагал меня удочерить, мотивируя тем, что не хочет оставлять свою собственность клану Рысьиных.

– Я его не обижаю, не волнуйся, – с явной насмешкой фыркнула княгиня. – Клятва работает лишь в случае внутренних клановых дел. Присматривать за тобой было необходимо, как ты понимаешь. В отличие от варианта, предлагавшегося тебе, Звягинцев может вести достаточно независимую жизнь. Клятвы бывают разные...

– В любом случае от меня клятву вы не получите никакой, – прервала я княгиню, поняв, к чему она ведёт свою речь.

И опять она не разозлилась, а лишь грустно улыбнулась.

– Забавно, но ты мне напоминаешь Диму. Не внешне, нет, внешне ты

пошла в маму. А вот внутренне. Характер в отца. – Она покрутила головой, словно ей внезапно стало душно. – Тот тоже не желал подчиняться. Не желал видеть над собой ничьей власти. И к чему это привело? Подумай, Лиза. Я уверена, мы можем договориться.

Этак мы сейчас договоримся до того, что я просто вцеплюсь ей в физиономию. Мне было тесно с ней в одной комнате. Внутри зарождалось глухое рычание, и мне стоило больших трудов не выпустить его наружу. Никто и никогда не вызывал у меня столь сильных отрицательных чувств. Даже Тёмный бог, вламывающийся в мои сны, как только у него появляется возможность. Он меня пугал, и сильно, а княгиня злила, до бешенства, до кровавых мушек в глазах. Хотелось делать ей всё наперекор. Возможно, такие же чувства она вызывала у своего сына. Не вмешивайся она в его жизнь – глядишь, всё сложилось бы совсем по-другому и для него, и для его семьи.

– Боюсь, договориться мы не сможем, – обманчиво мягко ответила я.

– Мне ничего не нужно от вас, и я не хочу ничем делиться с вами.

– Лиза, поддержка сильного клана тебе не помешает, – снисходительно бросила Рысьина. – Я говорила, что согласна предоставить тебе определённую самостоятельность? При этом не лишая ни денег, ни другой помощи.

– В обмен на что? За артефактом уже выстроилась очередь, – предупредила я. – Боюсь, вам в ней места не найдётся.

– Даже так? – она недовольно фыркнула. Подумалось, что сейчас её рысь возмущённо дёргает спиной и куцым хвостом. Зря я его не отгрызла, когда представилась такая возможность... – Что ж, мы можем не включать в договор артефакт. Пока не включать. – Она чуть насмешливо улыбнулась и сразу пояснила свою покладистость: – Мы установили на квартиру такую защиту, что без нас ты туда всё равно не попадёшь. И если, как ты говоришь,

за ним уже стоит очередь, она стоит впустую. Хочешь не хочешь, Лиза, тебе придётся договариваться. Но артефакт – это так, приятный бонус. Мне же нужна ты, как член клана.

– Временный, – сразу предупредила я.

– Вот об этом я хотела с тобой поговорить. – Княгиня почти мурлыкала, и это было ужасно подозрительно. – Не думаешь же ты, что тебе позволят пробегать без клана долго? Тем или иным способом... – она сделала выразительную паузу, наверняка напоминая о том, как она сама приняла меня в клан, не удосужившись уточнить, нужно ли мне это, – ты попадёшь в какой-нибудь клан, где к тебе не будут столь дружелюбно относиться, как в родственном.

Я насмешливо хмыкнула. За время нашего общения дружелюбия со стороны Рысьиных я не заметила, как и желания по-родственному поддержать, а вот использовать пытались и Фаина Алексеевна, и Александр Николаевич. Юрия я вообще в расчёт не принимаю – он, словно

марионетка, вёл свою партию только тогда, когда его дёргали за верёвочки. Чрезвычайно несамостоятельный офицер, такому командование поручать нельзя, только демонстрацию красивой формы. Вот с этим он справляется на отлично. Можно сказать, образцовый манекен.

– Лиза, я ведь уже предложила всё забыть и начать отношения с чистого листа. Поговорим как взрослые люди. Ведь ты же взрослая, состоявшаяся личность? Сколько тебе лет было до того, как ты попала сюда? Уверена, куда больше, чем этому телу. Ровесница Лизы не придумала бы столь хитрый план. Она бы даже из города не выбралась. Кстати, как тебе вообще удалось это сделать?

Доброжелательный тон хвалебной оды портили напряжённость позы и нездоровый блеск глаз.

– С Велесовой помощью, – почти не покривила душой я. Про Песцова упоминать вообще не стоило, ибо уж этот прохиндей точно сделал бы всё, чтобы у меня ничего не получилось. – Что касается моего прошлого, то я о нём совершенно ничего не помню. Вполне возможно, что я и не занимала чужое тело, а вернула своё.

– Характер не спрячешь, – чуть криво улыбнулась Рысына, явно не желавшая принимать такую версию.

– Характер мог поменяться после устроенной любящей бабушкой встряски. Не всякую барышню в одночасье выбрасывают из клана как ненужную вещь.

– Я действовала в том числе и в твоих интересах, – с непоколебимой уверенностью бросила княгиня. – Не будешь же ты отрицать, что получила столько, о чём некоторые и не мечтают: и зверя, и усиление магии. Ты мне

ещё спасибо скажешь, если хорошо поразмыслишь. Но полноте говорить о прошлом. Рысыны не могут жить в таких условиях, – пренебрежительный кивок на моё жилище. – Это потеря лица клана. У нас всегда было лучше.

– Очень миленькая комната, – не согласилась я. – Зачем мне больше? Вещей у меня всё равно нет.

Я встала и выразительно поскрипела дверцей шкафа. Хотелось поскрипеть и дверью комнаты, но вряд ли Рысына уйдёт раньше, чем сама захочет.

– Купим, – уверенно сказала княгиня. – Недопустимо нашей представительнице ходить в чужих обносках. Лиза, итак, я предлагаю тебе максимум свободы, возможной внутри клана, вплоть до того, что ты сама определишь, за кого выходишь. Разумеется, обучение мы тоже оплатим.

Что-то подобное в этом же исполнении я слышала раньше, поэтому только улыбнулась и сказала:

– Спасибо, но моё обучение оплачивает армия.

– Пока ещё нет. И они не станут оплачивать то, что можем оплатить мы. Например, сейчас – курсы по контролю, о которых мне сказал заведующий кафедрой, после обучения – стажировку у любого целителя по твоему выбору. Хочешь – в России, хочешь – в любой другой стране. И ты не будешь связана обязательствами отработки.

Княгиня была настроена щедро раздавать обещания, поэтому я решила наконец выяснить, на что же она рассчитывает, если разговор об артефакте пока откладывается.

– Что вы хотите от меня?

– Сущую мелочь, – хитро усмехнулась княгиня. – Вести себя достойно нашего клана и отдать на воспитание своего первого ребёнка, рождённого Рысьиным.

Это было несколько неожиданно. Настолько неожиданно, что я засомневалась в том, что услышала. А ну как слух сыграл со мной злую шутку?

– Вы хотите, чтобы я вам насовсем отдала своего ребёнка? – уточнила я.

– Зачем же насовсем? – невозмутимо ответила княгиня. – Вы будете видаться по твоему желанию. Заметь, я больше не настаиваю на браке по выбору клана. Решишь сама, за кого выходить, – расщедрилась она. – Но воспитание наследника я тебе не доверю, прости.

– Вы мне не доверили бы воспитание наследника, а я вам даже воспитание хомячка не доверила бы! – возмутилась я.

– А вопрос уже так стоит? – она нахмурилась и недовольно пробурчала: – Ожидаемо, конечно, но я надеялась, что ты избавилась от

этой странной склонности. Впрочем, от обещания я не отказываюсь, выйдешь по своему выбору. Но хомячков будешь воспитывать сама. Мне нужна рысь.

Моё терпение закончилось.

– Убирайтесь! – прошипела я. – И никогда больше ко мне не приходите. Мы с вами не договоримся. Никогда не договоримся. Замуж я пока не собираюсь, но если соберусь, вы будете последней, кого я приглашу на свадьбу! Воспитывайте Юрия, может, из него что приличное ещё получится. Хотя с такой главой клана я в этом сильно сомневаюсь.

Княгиня даже не привстала со стула.

– Лиза, я пришла сюда не ругаться, – процедила она. – Успокойся, в тебе говорит зверь, который хочет бросить мне вызов, как главе клана. Но у тебя нет ни единого шанса. Во всяком случае, пока.

– Нужен мне ваш клан! – рыкнула я, щедро показав зубы. – Вы мне просто сами неприятны.

– Нужен, – припечатала Рысына. – Ты пока этого не понимаешь. Не можешь оценить преимуществ. Впрочем, это вопрос времени, так что вернёмся к этому разговору через месяц. – Она встала, ещё раз брезгливо осмотрелась и сказала: – Но жить здесь Рысиной нельзя. У нас в Царсколевске пустующий особняк...

– Седых здесь жить можно, – отрезала я. – В Царсколевск выходить я, пожалуй, поостерегусь. Здесь так уютно и безопасно, а там возможны варианты.

– Я решу это вопрос, – высокомерно бросила она и ушла, не попрощавшись.

Признаться, я не поняла, какой вопрос она имела в виду, но её уход восприняла с облегчением. Хотелось сообщить Николаю о том, что у меня всё получилось, поэтому я села изучать плетение вестника, обнаруженное в учебнике для военных магов. Наверное, с усиленной защитой от прослушки посторонними, иначе с чего ему быть столь сложным?

Возможно, было бы проще с кем-нибудь передать записку. Но у меня не было ни карандаша, ни бумаги, а главное – уверенности, что записку доставят. Вдруг Рысына решила устроить блокаду? Тогда возможности что-то передать, не используя магию, у меня вообще не будет. Поэтому я провозилась несколько часов, пытаюсь составить нужное плетение и отправить сообщение. Оказалось весьма удачным, что я уже побывала в гостях у Хомякова: куда проще было построить нужный вектор. Но проще, это не означало легко. На удивление, плетение оказалось куда сложнее отвода глаз, даже в версии Ли Си Цына, хотя там тоже много чего учитывалось. Но там не требовалось так выгибать пальцы. Конечно, они у

меня были уже тренированные, но совсем не желали изгибаться нужным образом.

Птичка у меня получилась неаккуратная, с одним крылом короче другого. Я даже подумала, не развеять ли и не создать ли другую. Но тут она задорно чирикнула, тяжело замахала крыльями и взлетела, взяв курс явно туда, куда нужно. Стукнула в стекло, и я открыла форточку, в которую она тут же выпорхнула. Направление ей приходилось постоянно корректировать, поскольку она немного забирала вправо. И всё же я была убеждена, что до адресата она непременно доберётся, если, конечно, пройдёт через защиту университета. Последнее меня настолько беспокоило, что я провожала свою магическую поделку взглядом до тех пор, пока она не пересекла незримую границу и я не убедилась, что вестники отсюда вылетают без потерь.

Я размяла уставшие пальцы и задумалась, не прогуляться ли по университету, посмотреть, нельзя ли здесь что-нибудь купить из того, что нужно прямо сейчас. Но тут в дверь постучали и мне неожиданно предложили переехать. Оказывается, в университете имелось жильё повышенной комфортности, наверное, для случаев, когда клан собирался пустить пыль в глаза, а своего жилья в столице не имел. По-видимому, княгиня решила, что урона чести не будет, если я буду жить в приличных апартаментах, а не в убогой аспирантской клетушке.

Поначалу я хотела отказаться, тем более что мебель была рысьинская и мало ли с какой начинкой – от прослушивающей до ментальной. Княгине я не верила даже на кончик когтя, но всё же решила сходить, посмотреть, что она приготовила.

Княгиня приготовила вполне приличную квартиру со спальней и гостиной. Но главное – там была нормальная ванная, увидев которую я поняла, что отказаться не смогу. Всё же общие удобства – это общие удобства, не всегда доступные и не всегда удобные. Сыграло свою роль и то, что я вспомнила, что Мефодий Всеславович уверял; может указать все лишние магические устройства. А если он их укажет, то я их отключу, сломав или нет – это уж как получится. Беспокоиться о сохранности рысьинского имущества точно не буду.

Но когда я сообщила управляющему о переезде, перенесла свои немудрящие пожитки на новое место и попыталась отпустить женщину, показавшую квартиру, выяснилось, что прислуга идёт в комплекте, то есть прислана Рысьиной, чтобы за мной шпионить. Нет, конечно, подавалось это под соусом, что в её обязанности входит уборка и готовка. Но кто же прямо скажет про доносы?

– Боюсь, мне ваша помощь не нужна, – довольно резко сказала я.

Чего я не ожидала, так того, что её глаза наполняются слезами, а губы задрожат.

– Пожалуйста, Елизавета Дмитриевна, не выгоняйте меня! – всхлипнула она. – Фаина Алексеевна будет ужасно недовольна. Она о вас беспокоится. Разве вам будет до всяких мелочей? Вам же учиться нужно. Фаина Алексеевна сказала, всё для этого сделать. Я уже и убрала, и вещи ваши разложила. А сейчас собиралась ужином заняться.

– Какие вещи? – недоумевающе уточнила я, поскольку все вещи были при мне и никому я бы их трогать не позволила. – Где вы их разложили?

– Ваши, Елизавета Дмитриевна. В плательном шкафу.

Шкаф действительно оказался забит одеждой. Причём отнюдь не той, которая осталась в доме Владимира Викентьевича. Рысьина показывала запасённый для меня пряник, если уж кнут не сработал. Пряник был так себе, не первой свежести. Но сам факт, что теперь было во что переодеться,

порадовал.

На стук в дверь я не обратила внимания, поглощённая рассматриванием одежды, и сделала это зря, потому что горничная, решив доказать свою полезность, поторопилась открыть и вернуться ко мне с докладом.

– Штабс-капитан Волков с визитом.

– Не впускайте его, – всполошилась я.

Я могла бы сказать, что неприлично принимать одиноко живущей барышне таких визитёров, но увы – это было бесполезно, потому что приставучий штабс-капитан уже стоял в моей гостиной.

Глава 7

Волков успел даже шинель снять и блистал во всём великолепии новёхонького мундира. Выглядел он в точности, как тот, кто устроился надолго и уходить не собирается. На рысьинском диванчике он расположился так, словно уже сидел неоднократно и насидел чрезвычайно удобное место. При моём появлении он всё же соизволил встать. Этак лениво, словно показывая – всё добегалась, дорогая.

– Лиза, рад вас видеть в добром здравии.

– Не могу сказать того же о себе, – отрезала я. – Александр Михайлович, вам не кажется, что ваш визит неприличен?

– Почему же? – Он взглянул на полюбившееся на диване место, но садиться не стал, поскольку я стояла, а какие-то представления о правилах хорошего тона он всё же сохранил. – У нас с вами есть нерешённые вопросы, хотелось бы их обговорить. Милочка, вы свободны, – неожиданно бросил он горничной.

– Не свободны, – торопливо возразила я, заметив, что та действительно собирается уходить. – С каких пор, Александр Михайлович, вы распоряжаетесь моей прислугой? Убирайтесь из моего дома! А то!..

Тут я замолчала, поскольку с ходу не смогла придумать никакого воздействия на нежеланного гостя.

– А то что? – насмешливо спросил он, явно наслаждаясь моим замешательством.

– Можно вызвать службу охраны университета, – неожиданно предложила горничная, имени которой я так и не удосужилась узнать.

– Вот именно, – припечатала я. – Уверена, они найдут на вас управу.

– Зачем же сразу прибегать к боевым действиям? – Он шутиливо

поднял руки, выставив ладонями ко мне, от чего я сразу вспомнила, что ментальной защиты на мне нет и торопливо её наложила на себя и на прислугу. – Разве я вам угрожаю?

– Я попросила вас уйти. У вас нет никакого права находиться здесь без моего разрешения. А я его не даю.

– Вы необыкновенно хороши, когда злитесь, – неожиданно сказал он.

– Лиза, почему вы так расположены против меня? Уверю вас, я не ем барышень на завтрак.

И вид такой принял, словно его необыкновенно оскорбляет моё отношение.

– Разве что только потому, что вам их не подают, – заметила я, показывая, что ничуть не обманута его смирением.

– Вы меня боитесь, Лиза? Меня? – Овечья шкура к нему никак не хотела прилегать в степени, достаточной для маскировки звериного нутра. Наверное, от редкого использования рассохлась, а шерсть поела моль, и теперь сквозь прорехи нагло лезла волчья натура. – Уверю вас, и в мыслях не было вас обидеть. Я беспокоюсь исключительно о вас и вашей безопасности. Могу я поговорить с вами вдвоём?

Почти уважительный кивок в сторону горничной, которая продолжала стоять в углу гостиной с виноватым видом.

– Не можете, – твёрдо ответила я. – Потому что я тоже беспокоюсь о своей безопасности. Да и, строго говоря, Александр Михайлович, наш разговор не имеет смысла, поскольку вам нечего мне предложить.

– Вы уверены?

Он чуть приподнял бровь и посмотрел опять на диван этак выразительно. Мол, гостеприимная хозяйка могла наконец предложить гостю отдохнуть, не утруждать ноги больше необходимого. Но я гостеприимной хозяйкой себя не чувствовала. Во всяком случае по отношению к Волкову.

– Совершенно. Вы не можете предложить ровным счётом ничего, что бы могло меня заинтересовать. В свою очередь мне нечего предложить вам. Так что...

Я широко улыбнулась, намекая, что пора бы и честь знать.

– Вы себя недооцениваете, Лиза, – он широко оскалился, больше не пытаясь притворяться милым. – Фаина Алексеевна выдала мне карт-бланш в отношении вас. Она дала согласие на наш брак.

– Неужели? – я показала, что мои зубы ничуть не хуже, а возможно, ещё и острее. И это я пока обхожусь без когтей. – Не так давно, буквально пару часов назад, Фаина Алексеевна пообещала, что мой брак будет исключительно по моему выбору. Вам не кажется, что здесь есть некое логическое противоречие?

– Ничуть, если вы выберете меня.

Я презрительно фыркнула, показывая своё отношение к его предложению.

– Лиза, – вкрадчиво протянул он, – вы просто подумайте. Наш клан

– один из сильнейших, Рысьины – тоже не последний, а ведь наш брак может их объединить. Просто представьте, какие возможности при этом открываются. – Внезапно он активировал плетение от прослушивания и продолжил уже только для меня, не играя на публику: – Лиза, вы должны отдать мне этот артефакт. Именно мне. И тогда мы станем не просто

сильнейшим кланом, мы станем первым. Да что там первым – мы встанем над кланами.

На лице его проявился лихорадочный румянец. И это только от мысли о том, что он сможет претендовать на место Львовых.

Горничная обеспокоенно придвинулась. Наверное, Фаина Алексеевна всё же инструктировала её на случай нежеланных гостей. Её движение чуть остудило Волкова, пусть она и не могла слышать, о чём мы говорим. Похоже, он понял, что в запале сказал лишнее.

– Проблема в том, Александр Михайлович, – постаралась я улыбнуться как можно менее ехидно, – что на этот артефакт претендует один из богов.

Уточнять, что претензии претензиями, а артефакт Тёмному богу не светит, я не стала, понадеялась, что Волкову одного этого факта хватит, чтобы отступить: в споре с богами смертные обычно оказываются проигравшей стороной.

– С этим вопросом я разберусь Лиза, если вы отдадите артефакт мне,

– неожиданно ответил Волков. – Я правильно понимаю, вы уже догадались, как его можно получить?

Черты его заострились, нос хищно выдвинулся вперёд, уши вытянулись и полезли через волосы, словно бамбуковые всходы, а глаза алчно заблестели. Что бы он ни говорил, артефакт его привлекал куда больше меня: на меня с таким вожделием и мечтой в глазах он ни разу не посмотрел. Впрочем, я бы вообще предпочла, чтобы он смотрел на кого-нибудь другого. Например, на Свиныну-Морскую... Подружиться, что ли, с

ней. Полина Аркадьевна – вот лучшая защита от Волковых, особенно, когда она поёт. Правда, когда она поёт, хочется удрать и Рысьиным, поэтому нужен некий баланс: дружба дружбой, а песенки – только Волкову.

– Неправильно понимаете, – ответила я, с удовлетворением увидев промелькнувшее на его лице разочарование. – Я всё так же далека от разгадки, как и раньше.

– Давайте попытаемся разгадать вместе, – предложил он. – Моя помощь и знания к вашим услугам.

– Постараюсь обойтись своими силами.

– Лиза, это важно для страны, понимаете?

На мой взгляд, «Государство – это я», Волкову было говорить преждевременно, но я не стала на это пенять, ограничилась лишь:

– Я понимаю, что страна прекрасно живёт без пропавшего артефакта, проживёт и дальше.

– Вот как?.. Вы узнали?.. Или подсказал кто?

– Догадалась. За обычным артефактом не будет вестись такая охота. А вы сейчас подтвердили мою догадку.

– Подтвердил что? – с деланным изумлением спросил он. – Я вам ничего не подтверждал. Лиза, я просто уточнил, не ввёл ли кто вас в заблуждение относительно артефакта. Очень нужного мне артефакта. И вам, если вы согласитесь стать... моим союзником. Да, для начала – союзником.

– Я подумаю, – решила успокоить его я. – А сейчас всё же покиньте мой дом. У меня был тяжёлый день, я устала. А вы знаете, господин штабс-капитан, что барышни не любят навязчивых кавалеров? Если нет, то я вам сейчас это сообщаю.

Но Волкова выставить не получилось, поскольку у него остались ещё невыясненные вопросы, один из которых он тут же вывалил на меня.

– Спрашивать, как вам удалось сюда добраться и кто вам помог, разумеется, бесполезно? – с лёгкой досадой поинтересовался он.

– Мне никто не помогал, – доверительно ответила я. – Только мешали. Буквально все, с кем встречалась. А кто-то даже убить пытался.

– Кто эти нехорошие люди, Лиза? – воодушевился Волков, принимая воинственный вид защитника справедливости. – Скажите мне, я призову их к порядку.

Наверное, настойчивость хорошее качество для носителя, но не для окружающих. Сейчас я сама была готова убить нежеланного визитёра. Останавливало не то, что на территории наверняка нельзя хоронить столь высокопоставленные трупы, а то, что как раз труп, к сожалению, я сделать

не смогу, а при попытке нападения из университета вылечу, даже не начав учиться, чего допустить никак нельзя было. Возможно, Волков как раз на это и рассчитывал, пытаясь вывести меня из себя? Поэтому улыбаемся и делаем вид, что всё идёт по плану. Моему или волковскому – не суть важно.

– Я вам так признательна, Александр Михайлович. – Вспомнив манеры мисс Мэннинг, я положила руку на плечо штабс-капитану и призывно улыбнулась. – Так признательна. Хоть кто-то обеспокоился судьбой бедной сироты.

– Итак, мы союзники? – уточнил он и прижал мою ладонь своей.

Уверенно так прижал, не сомневаясь в моей капитуляции. Я подёргала рукой, но она словно в капкан попала. Пожалуй, это было стратегической ошибкой: настолько приближаться к противнику. Лапу я себе отгрызть была не готова, поэтому продолжила игру в ласковую кошечку.

– Разумеется, – прощепетала я. – Разве можно устоять перед вашим напором, Александр Михайлович?

– Я сообщаю княгине, что ваш выбор пал на меня, – даже без тени вопроса сказал он.

– Не стоит торопиться. Вы за мной ещё даже не поухаживали как следует.

Я кокетливо стрельнула глазами, жалея, что не могу сделать этого буквально. В конце концов, огнестрельное оружие – не магия, а труп Волкова можно было бы попытаться вывезти, закатав в ковёр. Наверняка Рысьина горничную ко мне приставила как раз на такой несчастный случай. Вон у неё какой подозрительный вид, словно прятать трупы не впервой. И руки подозрительно под фартуком держит. Я присмотрелась, и чуть не упала от удивления: у горничной действительно наготове был какой-то артефакт. Но проверять, на чьей стороне он сыграет – моей или штабс-капитана – не хотелось. А вот уточнить, какие инструкции на мой счёт ей дала Фаина Алексеевна, стоило бы, но, разумеется, не при Волкове.

– Мы можем прогуляться. Вы наверняка ещё толком не видели Царсколевска.

Он расслабился и мне удалось выдернуть руку. Да, то, что подходило мисс Мэннинг, совершенно не подходило мне. Ей Волков был всего на один укус. Наверное. Я вспомнила, как нанизала её на сосульку и подумала, что Волков это проделал бы куда быстрее и наверняка куда элегантнее. Мне до его уровня ещё учиться и учиться. Но попытки выманить меня из университета казались не слишком серьёзными, словно он и сам не особо рассчитывал на успех, а лишь проверял: вдруг получится?

– Мы можем прогуляться только по университету. Знаете, Александр Михайлович, я его тоже толком ещё не видела. Сейчас как раз такой чудный день. – Я бросила взгляд на окно, за которым уже было

темно, и
поправилась: – Чудный вечер. Так что прогуляемся в другой день.

Я уже подумывала, не воспользоваться ли предложением горничной и не вызвать ли университетскую охрану, если это возможно, когда внезапно раздался стук в дверь. Горничная метнулась в прихожую, а Волков чуть удивлённо спросил:

– Вы кого-то ждёте?

– Я и вас не ждала.

Волков развеял плетение и сделал это вовремя, так как горничная вернулась и важно спросила:

– Поручик Хомяков спрашивает, примете ли вы его?

Поручик? Его повысили в звании? Наверняка после того покушения на цесаревича, о котором я даже не расспросила, больше интересуясь отношениями Николая с великой княжной. А ведь тогда его вполне могли убить.

– Этот-то откуда здесь взялся? – не скрывая раздражения, бросил Волков.

– Разумеется, приму,

Горничная отправилась сообщать радостную весть Николаю, а Волков осведомился неприятным лающим тоном:

– Откуда Хомяков знает, что вы тут?

– А откуда знаете вы? Или это секрет?

– Какой секрет? Мне сообщила Фаина Алексеевна. Это входит в наши договорённости. Но откуда узнал Хомяков?

– Возможно, у Хомяковых тоже есть договорённости? – насмешливо предположила я. – Фаина Алексеевна очень договороспособная особа. Сегодня она дружит с одними, завтра – с другими. Возможно, её расположение к вам закончилось, когда вы не сумели меня найти.

Выяснить, получилось ли заронить сомнения в дружелюбии Рысьиной по отношению к Волкову, мне не удалось, поскольку Николай как раз зашёл в гостиную и был неприятно поражён наличием в ней родственника. Поздоровался, но на его лице проступило такое искреннее огорчение, что я не задумываясь, сказала:

– Господин штабс-капитан пришёл без моего приглашения и уже уходит.

– Я решил задержаться, Лиза, – совершенно нагло ответил Волков. –

Вы же не так давно говорили, что неприлично столь юной барышне находиться в компании офицера. Вот я вам и помогу соблюсти приличия.

– Я говорила про вас, Александр Михайлович. Уверена, что присутствие Николая меня ничуть не скомпрометирует. Мне нужно с ним поговорить. Наверняка у него есть известия об Ольеньке. Я так переживала, не случилось ли с ней чего-нибудь.

– Коля, откуда ты узнал, что Лиза в университете? – внезапно спросил Волков.

Я, прикусив губу, посмотрела на Николая, пытаюсь дать ему понять хоть как-то, чтобы он умолчал о моём вестнике. Ужасно не хотелось, чтобы штабс-капитан узнал, что нас с Николаем что-то связывало. Не потому, что я этого стыдилась, вовсе нет, а потому, что мне казалось, свои интересы Волков ставит куда выше родственных отношений и в случае чего щадить Хомяковых не будет. Но врать Николай родственнику точно не станет, так что я заранее начала прикидывать, как смягчить могущие возникнуть проблемы. Идей не было никаких: я понятия не имела, чем смягчатся Волковы...

– Это одна из главных сегодняшних сплетен в царсколевских салонах,

– неожиданно ответил Николай.

– И что именно говорят? – удивилась я, недоумевая, долетела ли вообще моя кривобокая птичка до адресата или свалилась где-то по дороге. Конечно, это ни на что не повлияло, и всё же мне было бы немного досадно, окажись моё плетение нежизнеспособным.

– Все разговоры крутятся вокруг поступления в университет. Кто говорит, что это произошло по решению княгини, кто – вопреки. Сама Фаина Алексеевна, по слухам, твердит о необходимости пройти несколько курсов до начала основного. Что касается объявлений в газете, то княгиня говорит, что это было в рамках испытаний наследницы, которая их с честью прошла.

Какая находчивая у меня бабушка! Чего только не придумает, чтобы сохранить лицо. Волков, конечно, этому не поверил, но вот те, кто не в курсе ситуации – вполне.

– Садитесь же, Николай, – предложила я и радостно потянула его за руку к диванчику, Горничную, которая не торопилась покинуть гостиную, я спросила: – Вы можете организовать чай для гостя?

– Для гостей, – усмехнулся Волков и нагло уселся в кресло. – Я не могу позволить компрометировать мою будущую супругу.

– Это уже превосходит все границы! В вашем возрасте обычно уже не предаются юношеским мечтаниям, Александр Михайлович, – прошипела я. – А супругой вашей я только в ваших мечтах и могу быть.

– Кто знает, Лиза? Жизнь непредсказуема...

– Саша, мне кажется, тебе стоит уйти, – внезапно твёрдо сказал Николай. – Лиза тебя уже несколько раз об этом просила.

– И не только уйти, но и не приходить больше, – зло бросила я.

– Не думаю, кузен, что тебе стоит влезать между мной и Лизой, – процедил Волков. – Ты ей кто? Брат подруги? А я одобрен Фаиной Алексеевной.

– Куда важнее то, кто одобрен Лизой, – отрезал Николай. – Так что это тебе не стоит влезать между нами.

Слово было сказано, и изменить я уже ничего не могла. Боже мой, ну почему горничная вообще впустила Волкова, который сейчас сидит и смотрит на противника, словно прикидывая, когда и откуда начинать его есть?

– А ты одобрен? – нехорошо усмехнулся Волков.

– Да, – твёрдо ответила я, понимая, что хуже быть не может. – Он одобрен мной, а если Фаина Алексеевна одобрила вас, то можете на ней и жениться. А меня, будьте любезны оставить в покое.

Конец ознакомительного фрагмента. Купить полную книгу вы можете на страничке автора: <https://author.today/work/138462>